

Ярослав Веров

ХРОНИКИ ВТОРЖЕНИЯ

skOmm.ru
СНЕЖНЫЙ КОМ

Они повсюду. Надо что-то делать!

Ярослав Веров

Хроники Вторжения

«Снежный Ком»

2002

Веров Я.

Хроники Вторжения / Я. Веров — «Снежный Ком», 2002

ISBN 5-17-014319-2

Один писатель-фантаст вдруг начал писать левой рукой с той же ловкостью, что и правой. Только вот левой-то рукой он писал не по своей воле. Его рукой водили пришельцы. С этого и начинается действие дебютного романа Ярослава Верова. Дальше – больше. Оказывается Земля просто кишит пришельцами, причём пришельцами отовсюду. И с других планет, и из параллельных миров, и даже из подсознания. И у всех свои интересы на нашей планете.

ISBN 5-17-014319-2

© Веров Я., 2002
© Снежный Ком, 2002

Содержание

«Много горя от ума»	5
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Ярослав Веров

Хроники вторжения

«Много горя от ума»

I

Мы, профессионалы, к написанию произведения относимся как к игре, творческой игре. Это начинающие авторы пусть переживают – достаточно ли самобытна и прихотлива сюжетная линия их произведения. А мы воробы стрельяные, для нас главное – игра, а остальное само возникнет.

Конечно, когда садишься за свой рабочий стол крепкого мореного дуба, уставленный всякими письменными принадлежностями, – тут тебе и остро отточенные мягкие и твердо-мягкие карандаши фирмы «Кох-и-Нор», чернильница черного мрамора с золотистыми прожилками «Братья Штрауберы», серо-голубая бумага «Гольдмунд Лтд» с маленькими, хаотически разбросанными блестками; непременный набор шариковых ручек: с волнистой поверхностью, с разноцветными стержнями, с профилированными закручивающимися элементами, – то воцаряется во внутреннем мире писателя гармония творчества. Профессионалы тем от любителей и отличаются, что эстетика письменного стола для нас не самоцель, а творческая необходимость.

Да только сегодня я что-то не в форме. Мандраж чистого листа? С чего вдруг? Викула, ты это кончай, ты же матерый писатель. На трех писательских конференциях премии получал. Хм-м...

Затянул пояс халата, пододвинул кресло поближе к столу, включил настольную лампу. Наклонил пресс-папье, отпустил – полюбовался как оно нехотя, с ленцой покачивается. Взял в правую руку свой неизменный «Паркер», в левую взял остро отточенный «Кох-и-Нор». А мысль скользит, растекается, не желает трудиться. Не в своей тарелке я нынче. Валерьянки хряпнуть, что ли? Нельзя же, в самом деле, так начинать. Ведь не первую, в самом деле, повесть начинаю. Ладно. Повертел «Паркер». Пододвинул чистый лист бумаги, удобно положил руки на стол.

Закрыв глаза – перед глазами мрак. Стал вспоминать, о чем же хотел писать. Но ничего мало-мальски касающегося моих литературных замыслов не вспоминалось. Возникла картина – Стелла варит кофе, я просматриваю утренний номер «Независимого обозрения». Настроение само собою приподнятое – сейчас Стеллочка уйдет на свою работу, и я наконец предамся литературным фантазиям. Возникнут лица персонажей – главных, второстепенных и просто проходных; отвратительные хари отрицательных темных личностей, для человеческой цивилизации весьма небезопасных; возвышенные, одухотворенные лики героя и героини, спасителей человечества. С упоительным, вкусным жужжанием начнет раскручиваться запутанный сюжет – погони, пытки, казни, приключения духа. Звездолет внушительных размеров терпит бедствие прямо в открытом космосе. Сигналы СОС. Мерзкая вражеская цивилизация, отвратительная, картавая, гундосая. Прибывают первыми. Мародерствуют. Герои в плену. Там, в темном тюремном трюме и происходит их первое знакомство, вспыхивает горячее взаимное чувство. Хорошо, черт возьми, бляха муха! Все-таки, я гений, что бы Сенька ни тряндел. Лепит свои боевухи, все меня вербует в соавторы, чтобы побыстрее объем нагонять. Мания у него – восьмитомник выпустить. Цикл романов – «Менты из шарового скопления», «Инопланетянин в законе», «Галактическая стрелка», «Наезд у Альфы Центавра». Оно, конечно, соблазнительно, но у меня есть своя песня, свои идеи...

Но лишь Стеллочка отчалила, забрался первым делом в бар, для вдохновения и расширения сосудов мозга. Ну, переусердствовал, ну бывает. Ну и что? Мы же профессионалы. Нам не привыкать. Когда проспался, вышел на прогулку. Иду, а перед глазами терпящий бедствие звездолет. Уже и название для него родилось – «Арктурианец Стерх». С таким названием аванс под роман получу моментально.

Гляжу, а ноги прямо в редакцию несут. Э нет, братец, говорю себе. Так не пойдет. Ты сперва пойди попиши, а потом уж – в редакцию, с черновиком первой главы.

Кажется, я отвлекся. Надо сосредоточиться. Нет, валерьянку глотать не буду, принципиально. Лучше водки, грамм пятьдесят.

Из мрачных глубин сознания всплыло веское, вибрирующее токами высокой частоты название – «Вторжение». Звучит в высшей степени харизматически, почти как «Нирвана». Рука легла на чистый лист. И перо «Паркера» понеслось, заскользило с профессиональной легкостью. Быстро возникли очертания города в легкой, да нет, пожалуй, в густой, почти лондонской дымке. Призрачно расплывающиеся огни реклам, бегущие неоновые строки, и нескончаемым потоком идут люди. И название появилось – «Диптаун». Название знакомое – тем лучше для читателя.

Вот сюда, в это средоточие цивилизации должны вот-вот вторгнуться кошмарные «иные». Да, это будет фейерверк, огненная потеха, черт возьми. «Кох-и-Нором» очеркиваю ключевую фразу – «она стояла у самораздвигающихся створок дверей космопорта и нервно теребила поясok плаща, туго перетягивающий тонкую талию. Она кого-то ждала, а он задерживался...»

И вот тут меня захлестнула непонятная, небывалая волна. Нет, не вдохновения, а чего-то нездешнего, пугающего своим неземным происхождением. И я оказался в центре событий.

Левая рука, та самая, которая с карандашом, помимо моей воли начала быстро писать от середины листа к левому его краю. Я наблюдал как сторонний наблюдатель, весь во власти неземной волны. Когда карандаш наконец оторвался от бумаги, я подумал – хорошо бы принести зеркало и прочитать. А потом еще водки выпить. Или нет, сперва водки, а потом зеркало. Или нет, лучше коньяку.

Прошел в залу, к бару. Еще подумалось, где это Стелла запропастилась так долго? Нет, ничего пакостного я не думал, но все-таки. А коньяк оказался в холодильнике. Говорил ей, лапочке, коньяк холодным не пьют, а вот водку пьют именно холодной. Пришлось разогревать на плите. Перегрел – волнение, бляха муха. Пил горячим, чуть не сжег гортань к чертовой матери. Обозлился и полез в шкаф за зеркальцем для бритья.

Вот что в зеркале прочитал.

«Зачем вы вышли в космос, мерзкие земляне? Теперь мы вас ненавидим. Ваши вояджеры и пионеры перехвачены нами у границ системы и изничтожены. Вы возомнили себя великой космической цивилизацией, царями космоса, жалкие приматы. Мы посчитаемся с вами».

Да, дела... Контакт, бляха муха. Наверное, следует что-то им ответить – не зря же они пол-листа мне оставили. Значит, правое полушарие моего мозга у них под контролем, а левое – свободно. Так и напишем: «Кто вы такие?»

«Мы – Дефективные. Так зовем мы себя, так знают нас другие цивилизации. Чтоб у тебя руки отсохли, мерзкий землянин!» И это пишет моя левая рука, черт ее побери! Какие-то они нелогичные. Может и вправду дефективные?

«Эй, – пишу, – придурки. Вы и в самом деле дефективные!»

«Не пиши нас с маленькой буквы, гад! Ты о человечестве подумай. А пока вот тебе!» И левая рука с силой ломает остро отточенный грифель «Кох-и-Нора». Зря вы так, парни. Знаете ведь, что мне ответить нечем – не ломать же мне свой собственный «Паркер»!

«Чем контактировать теперь будете?» Написал и злорадно ухмыльнулся – вот теперь помучайтесь невозможностью самовыражения! Не тут то было – левая рука потянулась к стакану с карандашами и выхватила еще один «Кох-и-Нор». И заходила строчить.

«Мерзкий, невкусный гуманоидишко! Хомо сапиенсишко гребаный! Писателишко задрипанный! (вот этого я им не прошу!) Мы через тебя, засранца, передаем ультиматум человечеству. Пункт первый: немедленно уничтожить все искусственные спутники вашей гребаной планеты, включая и Луну, которую вам предоставили миллиард лет тому негодяи с «Земли-2», а вы, идиоты, не знаете как ею пользоваться. Пункт второй: установить режим полного радиомолчания в дециметровом диапазоне. Пункт третий: оставить, наконец, в покое наших друзей пылевых клопов – перестаньте пылесосить и вытирать пыль! Пункт четвертый: изгнать с поверхности планеты миссии всех инопланетных цивилизаций, которых мы у вас засекли в количестве одна тысяча семьсот тридцать восемь; все эти мерзавцы – наши противники, мы их всех ненавидим и презираем. Если возникнут проблемы с выполнением нашего ультиматума, придурок, сообщи нам немедленно – мы выдвинем другой ультиматум, более жесткий. И не вздумай продать нас представителям гребаной цивилизации арктурианских Стерхов! Остальным можешь – пускай трепещут нас, Дефективных!»

Посудите сами, какой был у меня выбор? Принять еще сколько-то там грамм на грудь, а там оно уже само пойдет, покатится под горку. Кончится все пивом и моей больной печенью, и Стеллочка вконец во мне разочаруется, а ведь всего полгода вместе живем. Или позвонить Сене, и попытаться сообща в этих рукописных трюках разобраться.

– Алло, не разбудил? Ну конечно, знаю, что ты по ночам спишь. Мне ведомо, что пробуждаешься ты в четыре утра и сразу за работу. А я так не могу. Стоп, Сенька, а ведь я по делу! Давай, собирайся и ко мне. Нужно очень!

– Нажрался, мил человек? – отвечает заспанный и недовольный друг Сеня.

– Я как раз себя в руках держу. Можно сказать, из последних сил. Понимаешь, левая рука помимо моей воли чудеса выделяет – выступает от имени инопланетян. И название у них, понимаешь, забавное...

– «Белочка» пожаловала? А пассия твоя, надо понимать, в отлучке?

– Да заваялась, понимаешь, куда-то.

– Ладно, подъеду, пригляжу, овца заблудшая. Ты бутылочку-то в бар верни.

Ишь ты, душевед сыскался. «Белочку» надо не по фразам, а по духу вычислять. А не можешь по духу, так по выражению глаз.

Вышел на балкон, постоял. Хорошо все-таки в природе, братцы.

Тихо, спокойно. Чего, спрашивается, человеку не спится среди ночи? А вот не спится человеку. Стоит под звездами, и черт его знает, что под этими звездами творится. И его большое сердце мерно, да нет, пожалуй, учащенно отстукивает мгновения обманчивой тишины. Непокойно что-то в мироздании, тревожно. Да, что ни говори, приятно ощутить себя в центре событий.

К подъезду плавно причалила «Ауди-турбо», дешевок Сеня не признает. Сеня шумно выгрузил свой немалый объем. Ну хоть в смокинг облачиться не сподобился. Примчался спасать собрата по перу в спортивном.

Вы думаете, он мне поверил? Черта с два он мне поверил, пока я не усадил его в кресло и не дал ему в левую руку карандаш, а в правую – ручку. Он идиотски хихикал – уже лет двадцать ничего ручкой не делал, разве что в носу ковырял на писательских конвентах. «Че писать-то?» – спрашивает.

А у него левая-то уже пошла выводить. Вот, значит, какой у тебя, Сеня, почерк – женский, округлый, буквы крупные, разборчивые. Конечно, таким почерком по два романа в год не напишешь, диктофонщик.

Я зеркало приставил – гляди, мол, старик, чего выходит. Вышло вот что.

«Паскудный землянин! Влез не в свое гребаное дело. Уселся не в свое паскудное кресло. Откуда ты такой жирный выискался? Мы уже объявили один ультиматум. Теперь придется еще один. Хочешь иметь свой – давай, пиши. С красной строки. Гребаные земляне! Вы достали нас своей космической экспансией! Поэтому мы категорически требуем, по пунктам: во-первых, отключить все мобильные телефоны; во-вторых, отказаться от проекта космических гонок «Земля-Марс»; ну и в-третьих, перестать строить любые виды электростанций, кроме тепловых! А тепловых строить как можно больше! Что, писателишко, нравится тебе? Теперь давай, беги, ставь свою мерзкую цивилизацию в известность. Мы шутить не любим.»

Тут руки у Сенечки затряслись, карандашик на пол брякнулся. Сеня за сигаретку схватился. Ну это дудки. Курить – на лоджию.

По сто пятьдесят мы, конечно, накатили. Именно под звездами.

Сеня чем силен – деловой хваткой. Принял на грудь, засосал сигаретку, и родилось решение. Вытащил мобильник, и давай кнопки нажимать. Выпендрожник ты, Сеня: прическа полубокс – затылок в складках, золотая цепь с немалым крестиком, мобильник всегда в чехле на поясе. У меня, например, в прихожей стоит телефон из мастерской самого Эдисона, редчайшая вещь, на аукционе купленная – и у меня деньжата водились. Но ведь мы, писатели – культурные люди, не пристало такими вещами как чемоданом размахивать.

А Сеня между тем дозвонился и договаривается, и красок не жалеет, умеет он объяснить, зараза. Я бы бекать-мекать стал, сбиваться с мысли. Не потому, что не умею говорить убедительно, а потому, что думал бы, что они там обо мне подумают – какие-то карандаши, послания, – и воображать, как они на том конце провода решают, что точно с психом разговаривают.

– Слышь, Сеня, – говорю, – это ты кому звонил?

– Ну это типа комитет.

– Неужели?..

– Комитет по контактам, комкон.

– Что-то я не слышал...

– А должен был. Ты же типа о космосе пишешь. В общем, сейчас они приедут. Давай пока водки, что ли. Да, и в кресло они сказали не садиться.

Сеня под водочку заскучал, пустился в глубокомысленные рассуждения о всяких странных явлениях – о сговорчивых редакторах, что ударились пропускать «левых» начинающих авторов, об издательствах, пустившихся издавать себе в убыток всякую лабуду под рассуждения критиков о каких-то духовных ценностях.

– Ты мне пылающую БКС выпиши, чтобы меня типа продрали!..

– Пожалуйста! Ты мне только растолкуй, что это за зверь – БКС?

– Ну, скажем... – чешет свой бритый затылок Сеня. – Скажем, Боевая Кинетическая Станция. Или Большая Космическая Свалка. Да не, я не тебе говорю, я типа в общем рассуждаю. Не умеешь крепко выписать вещь, чтобы она засияла всеми своими полированными боками, чтобы значит я, читатель, поверил, что вот эти жерла таки стреляют на полтора парсека – значит нечего тебе у нас в литературе делать. А то повадились интеллигентские переживания разливать. А где там, скажи, те интеллигенты?

– Где там?

– В космосе, блин!

Тут, к счастью, в дверь позвонили. Явился человек из комитета, в единственном числе явился. Был он грустным и сухопарым, средних лет, с сединой, в костюме где-то даже потрепанном. Мне с первого взгляда подумалось – холостяк и тяготится одиночеством.

– Добрый вечер, – поздоровался человек из комкона, – это вы звонили по поводу контакта?

– Я, – отвечает Сеня. Берет гостя за пуговицу и тянет в мой кабинет.

– Садись, бери вот это в левую руку, вот это в правую. Давай, пиши.

– Что писать?

– А оно само будет писаться! – добродушно, как сенбернар, ухмыляется друг Сеня.

Комконовец крепок оказался. На сенин напор не обратил никакого внимания. Взял те листочки, что мы пообписывали. Очечки на нос водрузил и углубился в содержание. Прочитал, отложил листики и, как ни в чем ни бывало, спрашивает:

– Так. Вы утверждаете, что это контакт?

– Я ничего не утверждаю! – с вызовом отвечаю я. – И вообще, не мешало бы хотя бы представиться!

Комконовец хмыкнул и пустился в обширные объяснения. Из которых я узнал, что гостя величают Игорем Мстиславовичем, что ему, как правило, приходится иметь дело с душевно-больными, а потому на слово он никому не верит, равно как и написанному, причем последнему не верит даже больше. Подробно перечислив известные ему психозы и фобии, он, наконец, замолчал и выразительно на меня уставился.

– Вы что это? Мы с коллегой – писатели!

– Людям вообще свойственно писать...

Он произнес эту фразу с таким выражением, что я засомневался в себе. Черт его знает, может писательство – это род психоза, так сказать недержание и все такое? Одним словом, я растерялся.

Выручил Сеня. Мрачно выслушав комконовца, он веско и побудительно произнес:

– Ты, уважаемый, беседуешь со знаменитым писателем Татарчуком, лауреатом государственной премии.

Гость вопросительно глянул на меня.

– Я, я – лауреат, понял? – ткнул себя пальцем в грудь Сеня. – Ты давай, бери карандаш. И вперед.

Игорь Мстиславович недоуменно пожал плечами – подозреваю, что он твердо уверился в нашем психическом неблагополучии, – и взялся за «Кох-и-Нор».

Рука его мелко-мелко побежала сыпать буквами. Я усмехнулся себе в желудок и поставил к листу зеркало. Сеня зачитал:

– Придурок! Что бы ты себе там ни думал, мы существуем! Мы могучая и великая цивилизация Дефективных! Ты, ничтожный прямоходящий царек природы, ты не уверен даже в тех двух придурках, а лезешь в контактеры! Что ты можешь нам доложить такого, чего мы не знаем, идиот?

Упорный братишка оказался этот комконовец. Не поверил! Как саданет себя в челюсть правой. Аж голова мотнулась. А левой хоть бы хны – продолжает, бляха муха, строчить. Сеня читает:

– Ха-ха-ха! Может, еще разок, млекопитающее?

Левая рука, не выпуская карандаша, хватъ комконовца по лбу, и обратно на лист. Сеня как заржет, но прочитал:

– Это не мы, придурок гребаный! Мы недоразвитых цивилизаций по лбу не хлопаем! Нервы у вас, гуманоидов, недоразвитые, как и вы сами.

Я думал, что после такого удара комконовец со стула слетит. Но, крепкая голова – не только не слетел, а еще успел и решение принять:

– Давайте, лучше вы контактируйте. В мои обязанности входит наблюдение.

Я вздохнул и принял карандаш: все-таки я здесь хозяин, и это со мной они на контакт вышли. Кажется, я впервые подумал о Дефективных всерьез.

«Мы ему ультиматума давать не будем! Молокосос не достоин. А ты чего? Тушуешься, негодай?»

«И не думал, – отвечаю. – Вы, понимаете, какие-то неконкретные».

– Вот-вот, – проскрипел над ухом Игорь Мстиславович. – Напишите им, пожалуйста, так – чем вы докажете свое инопланетное происхождение? Понимаете, – пояснил он Сене, – очень может быть, что мы стали жертвой испытаний психотропного оружия...

«А мы сейчас тебя диссипируем! Сфотографируем, а потом обратно соберем. Хочешь не-жильцом побыть, мозгляк?»

– Э-э, нежелательное развитие диалога, – пояснил мне комитетчик.

– Ну на вас не угодишь, – отвечаю. – Вы же потребовали доказательств. По-моему, инопланетяне логичны.

Сеня довольно хмыкнул и панибратски хлопнул комитетчика:

– Ты конкретно определяйся. Ты типа лакмусовой бумагой поработай. На благо цивилизации, а как же!..

Тот скривился, наверное, хотел что-то возразить. Но не успел. Я вот не могу наверняка сказать, – была вспышка или нет; Сеня, например, ее видел, – но только комконовец вдруг хлопнул себя по карману и достал из него фотокарточку. А на фотокарточке той – мой кабинет, я, Сеня, письменный стол, на столе обширное бурое пятно, а из пятна голова Игоря Мстиславовича высовывается. Некрасивая картина.

– Ну что, этого с тебя хватит? – осведомился Сеня.

– Пишите, – говорит Игорь Мстиславович, – «какими средствами намереваетесь контролировать выполнение ваших ультиматумов?»

Пожалуйста, чего там. Тут же поступает ответ: «Ага, испугался, мерзавец! Ну к примеру, энтропийными бомбами». Стали подозрительно лаконичны.

– Спросите скорее, что это такое, – шепотом требует комконовец. Пожалуйста. Пишу: «Не могли бы вы объяснить устройство и принцип действия энтропийных бомб?»

«Очень просто. Это такая бомба, запалом которой служит термоядерная бомба; потом происходит сжатие пространства. А дальше мы сами не знаем. Но это не важно, бомба сама знает. Действует безотказно, зараза. Гребаные земляне! Вы вздумали тянуть время! Оттяжки мы не потерпим! Если немедленно не приступите к выполнению пунктов, мы будем разговаривать радикально!»

Сеня прочитал и разочарованно протянул:

– Что-то становится неинтересно. Мужики, давайте в кабак. Ну типа я угощаю.

При этих разумных словах у меня как гора с плеч свалилась. К моему удивлению Игорь Мстиславович тут же согласился:

– Я предлагаю поехать в «Пиккадили». Там круглосуточно. Там мы вас и протестируем. Администратор – старый комконовец.

– Видал? – подмигивает мил друг Сеня. – Куда попало я не звоню. Са-алидная фирма этот их хренов комкон.

II

Игорь Мстиславович, как оказалось, прибыл на «Москвиче». Погремев малость, он двинулся вслед за нами. По дороге Сеня напевал арию герцога из «Риголетто», то есть был весел. Глянув в зеркало на чахлые фары «Москвича», подмигнул и сообщил:

– Сдается, наш комитетчик тоже того.

– Чего того, псих, что ли?

– Пришелец. Тихий такой, скромный, занудный пришелец.

– А зачем ему это?

– Понятно зачем. Ходит вот так по контактерам и типа шнурует всех. Полощет мозги, мол, в натуре какие там инопланетяне, инопланетян отродясь никто не видывал. А у вас кон-

кретно шиза. Покайтесь, полечитесь и все такое. Типа воюет с другими цивилизациями за наши с тобой души.

– А если контактеры не сдаются – он их на анализы... – поддержал я сенину версию.

– В кабак!

– Вот тебе и сюжет для романа. «Маньяк с Альдебарана».

– Не премину. Будешь соавтором?

– Там видно будет.

– Там, там-тарам, там-тарам, – пропел Сеня и не совсем мягко подрулил к автостоянке у ресторана, в последний момент лихо ударив по тормозам.

Сразу пошли на второй этаж – там сейчас по случаю ночного времени «живой» оркестрион. Да, давненько я в кабаках не сиживал. Сейчас зорким глазом профессионала определимся – кто здесь кто. Ага, народу за столиками немного. Вот под пальмой двое среднего возраста мужчин и дама. Мужчины в строгих костюмах, но один одет как на поминки, а другой, напротив, шикарно небрежен, в костюме присутствует, словно в нем родился. Ясно – деловые переговоры с иностранным партнером. Вон тип в шортах и с дамой в короткой юбке – из нуворишей. Ага, и сексменьшинства наличествуют – под звуки оркестриона медленно качаются в обнимку две девицы мужиковатого вида.

Вот и все. Впрочем, в углу, под гремящими динамиками наблюдается компания. Три дамы околобальзаковских лет и при них молодой человек. Кем он состоит при них – непонятно. Дамы оживлены и веселы, а мужчинка, напротив, никакой – ну, ясно, за рулем, или печень большая.

Но вернемся к теме ночного путешествия. Только Сеня сделал заказ, комконовец как бы невзначай говорит официанту:

– Будьте добры, пригласите Савелия Карповича.

Официант сделал значительное лицо и с тем отчалил.

Как выяснилось, Савелий Карпович и был тем заявленным конспиративным администратором; плешивый и поношенный как драповое пальто, каковое ежедневно таскают между домом и присутственным местом, время от времени сдавая в химчистку. Судя по наведенному лоску, последняя химчистка сработала по евростандарту – безлико, но до блеска.

Они пошептались. И конспиративный Савелий Карпович обратился к нам с Сеней с просьбой:

– Пройдемте, господа, пожалуйста со мной.

Сеня – я видел, – хотел категорически отрезать, но великодушно сделал вид, что не слышал.

Разъяснять пришлось комконовцу:

– Господа писатели. Мы вас хотим пригласить в отдельный кабинет. Там имеется все необходимое оборудование, и никто нам не помешает.

– Ага, кровь из нас сосать... – ухмыльнувшись Сеня и изобразил на лице скуку.

– Понимаете, иначе нам придется вынести прибор сюда в зал...

Я вопросительно глянул на Сеню, я уже поддался на их уговоры. Но Сеня невозмутимо разглядывал танцующую пару.

Комконовцы снова пошептались и куда-то пошли.

Очень кстати явились заказанные блюда: испанский морской салат, печеные мидии во французском соусе, лягушачьи лапки, мясное ассорти, овощи по-гречески; и конечно фирменные синенькие в чесночном соусе, и зажаренные в сухариках фаршированные перцы; разумеется, водочка – большой графин. Я бы, признаться, и соляночки заказал, но не я плачú.

И тут появился Эдик. Эдик-авантюрист. Великолепный типаж, мощный, и вполне авантюрный. Эдакий русский еврей, метр восемьдесят пять росту, косая сажень в плечах, кулаки как гири. Разговаривает громко и яростно.

– Здорово, братья-писатели! – заорал он, поднявшись по лестнице. – А я вас еще в баре запеленговал, внизу. Какими ветрами в здешних широтах?

– Космический ветер принес, – загадочно ухмыльнулся писатель Татарчук и, вспомнив о своем новорусском имидже, добавил: – В натуре.

Эдик-авантюрист шумно оседлал стул Игоря Мстиславовича, пододвинул к себе тарелку с испанским салатом – там креветки, лангусты, разных сортов рыба, моллюски – потянул аппетитно носом воздух, и, одобрительно кивнув, вооружился вилкой.

– Сейчас, хлопцы, мне сюжет в голову вошел. Вот сейчас, в баре.

В этом весь Эдик. Единственный среди нас, кто не боится рассказывать собственные идеи и сюжеты. Это потому, что всем плагиатчикам хорошо ведомо – один лишь намек в произведении на идею Эдика, и быть морде плагиатчика битой всмятку. А случается, под «этим делом» Эдик может зарядить и по второму разу. Эдик всем рассказывает, что он бывший спецназовец. Мол, не смог совмещать боевые будни и литературное творчество, потому сосредоточился исключительно на большой литературе. Ему верят. Но Сеня мне поведал по секрету, что никакой Эдик не спецназовец, а так, нахватался то там, то сям всяких борцовских приемчиков, и только на необузданности характера и выезжает.

– Дело происходит на том свете, – приятно все-таки Эдика слушать, хороший Эдик рассказчик, уверенный, напористый. – Большая лотерея. Разыгрываются торжественные похороны. Это начало рассказа или романа. Победителя чествуют, ему завидуют – каков везунчик: венки от сотен важных организаций, представитель президента с надгробной речью. Покойники любят, когда живые вокруг них суетятся. А идея такая: все, что люди чуют здесь, приходит оттуда, от покойников. Придумали покойнички лотерею – и у нас лотереи входят в моду. Одним словом – это покойники придумывают на наши головы всякие моды и заморочки, а также шутки ради плодят политические катаклизмы. В самом деле – о хлебе насущном у них там голова не болит, вот с ума и сходят. А мы, как дегенераты, под их дудку пляшем. А?

Да уж, такая фантастика как раз в духе Эдика – махрового богоборца и воинствующего атеиста. Ему не просто надо о запредельном, а так чтобы по этому запредельному вволю потоптаться. «Боги – это даже не люди, это просто плохие персонажи», – так у него, кажется, в предисловии к сборнику молодых фантастов.

– Ну что, парни, хлебнем? – и мы хлебнули за встречу.

Только я со вкусом крякнул: хороша чертовка белоглазая – а за спиной комконовцы. «А за спиной эсэсовцы, и шмайсер в грудь тычут – сдавайся партизанен!» Раздвигают закуски и водружают небольшой такой приборчик. Мне этот приборчик не понравился. А Эдику не понравилось все сразу.

– Мужички, вы эт че? – рыкнул так, что мне захотелось почему-то попросить у него прощения, на всякий случай.

Те опешили. Сеня же засиял и изрек:

– Ну это, Эдуард, у них типа комиссия по контактам.

– Чего? – все еще недобро разглядывал комконовцев Эдик.

– А ты как думал, чтобы мы, обремененные семействами люди, просто так ночью в кабаке зависли? Ты за кого нас держишь, в натуре?

Эдик добродушно улыбнулся и принялся раскуривать трубку:

– Ну-ну, контактеры, валяйте.

Сеня пустился рассказывать о наших чудных обстоятельствах. Между прочим, комконовцы все это время просто стояли и ждали.

– Друг наш и коллега наш, Викула Селянинович, нонче в вечер засел писать большую вещь. И лишь взялся за перо, как пожаловали к нему в хоромы, на его хлеб-соль пришельцы, типа инопланетяне. Так, Викула?

– В некотором роде.

– Ну вот. И чисто конкретно пером по бумаге – ультиматум нам, типа человекам. Как там их? А, дефективными назвались. Ну вот. Что делать бедному писателю? У уважающего себя писателя всегда друг-коллега имеется. Звонит мне Викула, от жены в натуре отрывает. Я как реанимационная – тут как тут. Но пришельцы и мне ультиматум. Заметим, что вон тому типу, Игорю Мстиславовичу в ультиматуме отказали. Не наш человек. Требуют, само собой, несусветное. Но нам не привыкать. Поэтому мы здесь, поэтому вон эти контактеры нас прибором осчастливили. Я прав, мужики? – обратился он к тем.

– Это надевается на голову, – тут же сунул мне под нос какой-то обруч Игорь Мстиславович. – А браслеты – на запястья.

– Э-э, – недоверчиво протянул Сеня, – проводов не вижу, пластмассовые финтиклюшки.

– Современная техника, – обиделся за свое оборудование Игорь Мстиславович.

– И что, в натуре работает?

– Полная томограмма мозга, расшифровка энцефалоритмов...

– Ну тогда я тебе вот что скажу, – продолжал гнуть свое Сеня. – Это у тебя типа или все сплошное шарлатанство, или внеземная технология.

И значительно умолк, не отводя от комоконовца насмешливого взгляда. Тот уже нахлобучил на меня обруч, поместил на запястья браслеты.

– Сдается мне, мил человек, что ты – инопланетянин! И этот, друг твой – тоже. И фирма вся ваша – сплошь пришельцы!

Эдик одобрительно крякнул и разлил нам по второй:

– Давайте, парни. Я так понимаю, вывели вы их на чистую воду. Вот она – их инопланетная личина. Давайте за контакт цивилизаций! Как там их, дефективные?

– А хрен их знает. Те, что на бумаге пишут, говорят, что их здесь больше тысячи, цивилизаций.

– Ого. Лихо, – Эдик выпил, и сурово обратился к инспектору. – Ты давай, с него это все снимай и на себя одевай. Иначе в грудь заряжу.

– Правильно, Дюся, он тоже с дефективными контакт имел. Они его нежилецом делали и на фотокарточку снимали. Предъявляй фотокарточку. Игорь Мстиславович с готовностью ответил:

– В машине оставил.

– Ты присаживайся, располагайся и вперед, – миролюбиво, но настоятельно посоветовал Эдик.

– Представляешь, Дюся, заливают, что у них, в комконе, в каждом кабаке – свой человек. Прикинем – в Москве с полтыщи кабаков. Кто их финансирует? И куда власти смотрят – у них под носом орудует солидная секретная организация?

– Жизнь такая наступила – всем на все насрать. И властям в том числе, – отвечал Эдик-авантюрист.

– А финансово их богатые спонсоры могут обеспечить, которые всем этим увлекаются, – добавил я.

– Не, инопланетяне! – гнул свое Сеня.

– Нет, мужики. Они не инопланетяне, – веско возразил Эдик. – Они – покойники! Покойники намного лучше, они свои, они наши родственники – до нас жили, нас в муках рожали, и мы к ним движемся долгим путем в темноту...

– Изрядно! – оценил Сеня. – Разливай по этому поводу. Долгий путь в темноту – это изрядно! Это уже полромана!

– Господа, обратите внимание на дисплей, – прервал пиршество идей нудный Игорь Мстиславович.

– Ну че у тебя там, показывай, – великодушно разрешил Сеня.

– Извольте видеть – нормальная человеческая энцефалограмма. В верхней части дисплея – томографическое отображение моего мозга. Как видите, никаких вживленных микрочипов, никаких органических поражений. Вот речевой центр – желтый цвет указывает на активность, в самом деле, я сейчас с вами разговариваю.

Меня позабавило, как Сеня с нарочитым интересом рассматривает эти картинки, даже головой кивает сочувственно и языком цокает.

– Так вот, – говорит, – как выглядит мозг пришельца. Занятно.

– Вы что? Ну почему вы мне не верите? Нормальные человеческие альфа-ритмы.

– А почему я знаю, какие они – человеческие?

– Давайте сопоставим с вашими.

– Свои я тебе показывать не стану, – Сеня посмотрел на меня и я закашлялся.

А инспектор уже протягивает мне свой обруч:

– Пожалуйста, вы.

Делать нечего, кто-то же должен был, да и потом, чем мне это грозило?

По правде сказать, мы, писатели-фантасты, не верим ни в звездные перелеты, ни в инопланетян, ни во всякую мистику. Потому, что художественно писать о том, во что веришь – нельзя. Выйдет или скучный научно-популярный трактат, или религиозно-мистический бред. Свобода авторской фантазии не должна быть ограничена ничем. А тут вдруг такая волна пошла – что вроде все всерьез. И когда мы поддались на эту серьезность?

Итак, на меня были водружены обруч и браслеты. Отметил с удовольствием – ожидаемого покалывания или жжения не было.

– Ну вот, извольте видеть, господин Татарчук, – кивнул на дисплей комконовец. – Полное качественное совпадение картинок.

С улыбкой заправского фокусника Игорь Мстиславович извлек из кармана мой «Кох-и-Нор», сложенный лист моей же бумаги и даже зеркальце. Как это он ловко успел спереть, паршивец? Вновь предложил мне поработать контактером. Если честно, мне и самому захотелось позабавить Эдика Дефективными. Правда, сомневался – получится ли не за моим столом?

Развернул лист, взял карандаш, проскочила мыслишка – может, Дефективные побрезгуют контактировать в ресторанной среде? И вдруг резкий, визгливый выкрик комконовца:

– Стойте, погодите!

Что такое? Мы все трое вопросительно уставились на него, а он виновато улыбнулся и вытаскивает из чемоданчика неуклюжий футляр, а из него – массивные темные очки с темными стеклами.

– Ага, типа секретные очки, – веско умозаключил Сеня, – чтобы пришельцев в лицо видеть!

Молодец, Сеня. Он даже поднял со стола зеркальце и ткнул его прямо к физиономии инспектора:

– На, полюбуйся!

– Хорошо, черт меня раздери, – расхохотался Эдик. – Хорошо нынче сидим, мужики! Давайте еще по одной.

Мы опрокинули еще по одной и в тот же миг не сговариваясь решили продолжить наш эксперимент.

– Давай, инспектор, жми свои кнопки! – отдал приказ Сеня.

– Все уже работает, – инспектор в очках был похож на старого ослепшего филина.

В этот момент заговорили Дефективные. Моя левая рука прервала свое движение к соуснице и, схватив карандаш, застрочила. Сеня тут же водрузил зеркало и подмигнул Эдику:

– Ну вот, началось. Гляди Дюся, что с нами, землянами вытворяют!

Дефективные передали: «Пьяный ублюдок! Ты на миг от неизбежности! Забыл про ультиматум, забыл про энтропийную бомбу, наложил на наши радикальные интересы! Больше с

тобой, дубина, не разговариваем. Протрепался про нас, беспамятное теплокровное! Вот вам всем контакт!»

Левая рука скрутила кукиш – при этом карандаш переломило надвое, – и медленно обвела кукишем окружающее пространство, надолго задержавшись на инспекторе. А тот внимательно смотрел на этот кукиш через свои секретные очки.

Потом рассеянно обронил:

– Моторика руки отсутствует. Двигательный центр не задействован.

Сеня с видом знатока пояснил Эдику:

– Понимаешь, Дюся, выходит – не психотропное оружие, как нас страшал Игорь Мстиславович. Выходит, что Викулыч ничего не писал и фигу тебе под нос не совал, а все это нам коллективно мерещится.

– Но ведь очки защищают от галлюцинаторного... – подал было голос из-за спины инспектора Савелий Карпович. Но инспектор вскинул руку, и администратор умолк на полуслове.

– Вы, господа писатели, покуда посидите, может, еще горячего захотите заказать, спиртного...

– Спиртное за счет заведения. Богатый выбор, – поддакнул Савелий Карпович.

Инспектор поспешно сложил прибор в чемоданчик, и они с администратором, отойдя в сторону, стали о чем-то шептаться.

– Смотрите, мужики, что-то прищельцы замышляют, – предложил версию событий Сеня.

– Или покойники нас к себе переманить собираются, – не остался в долгу Эдуард.

А я промолчал. Мне, признаюсь, нехорошо как-то сделалось и неудобно. Предчувствие – не предчувствие, скорее все-таки предчувствие.

Коллеги пустились было обсуждать – чего бы еще такого дозаказать погорячее и покрепче. А я все за теми слежу. Вижу, администратор с чемоданчиком – в боковую дверь, а инспектор стал звонить по мобильному телефону. Мне почудилось даже, что я расслышал слова инспектора, но нет. Это Эдик выступает:

– А что редактора? Редактора тоже люди. Ему в груди зарядишь, потом в кабак пригласишь, накормишь стервеца – и он твой. А куда ему деться? Здесь тебе все на месте – и кнут и пряник.

– Ну, а ежели редактор – женщина? – вопрошал Сеня.

– Га-га-га! Так я тебе и сказал! Нет, брат, этот секрет уйдет вместе со мной...

– Ну что, еще по одной. Гляди, Викулыч заскучал...

Не заскучал я, нет. Эти двое возвращались, и на лицах их было что-то другое написано. Я попытался вычислить, но не понадобилось. Игорь Мстиславович ледяным голосом произнес:

– Попрошу внимания, господа. Сейчас сюда поднимутся наши люди, и вы тихо, без лишнего шума встанете и пойдете с нами.

Эдик обернулся к лестнице:

– Э-э. Шпагу мне, и коня.

По лестнице поднимались трое, одинаково плечистые, в черных строгих костюмах и белых рубашках. Время для меня будто замедлилось. В голове возникла дурацкая мысль – зря я Стеллочке записку не оставил, куда я и с кем.

Эти трое остановились у лестницы. Сеня побледнел, вижу – подняться не может. Очевидно, душа в пятки ушла. Эдик поднялся, вытряхнул из трубки пепел, спрятал ее в карман, разгладил рукой редкую шевелюру и предложил:

– Ну что, мужики, надо сдаваться, – и подмигнул мне при этом. А глаз не улыбочивый, хитрый.

Что-то у меня от этого подмигиванья взыграло, флейта надежды пропела, что ль? И мы с Эдиком пошли к лестнице. Я еще оглянулся – а инспектор с администратором Сеню под руки подхватили, правда с натугой, и ведут. Ноги сенины ослабли. Будем думать – от водки.

А когда я голову обратно повернул – Эдик одного уже вырубил, и схватился с двумя другими. Откуда во мне силы обнаружились – не ведаю. Схватил стул, что под руку подвернулся, и швырнул в эту группу. Как-то так получилось, что стул угодил прямо в голову того, что Эдику как раз руку за спину заламывал. Тот осел, а Эдик с оставшимся кубарем покатались вниз по лестнице.

Я рванул следом, на свободу, даже про Сеню забыл. Глядь, а на первом этаже их еще трое или четверо. И я сдался.

Когда меня вывели на улицу, я застал чудную погоню: Эдик на спортивном «Шевроле» с открытым верхом, наверное того, что в шортах у окна и с девицей, с ревом крутился на площадке – растолкал две легковушки, вывернул мимо минифургончика, едва не задавив одного в черном, и через клумбу сиганул на трассу. Вслед ринулось сразу пять или шесть джипов. А на пороге ресторана появился Игорь Мстиславович и крикнул вслед:

– Осторожнее! Это не биомуляжи, это настоящие!..

Кто настоящие – я так и не узнал. В глаза мне ударил слепящий свет фар, и меня не стало.

Мда. Поставил в произведении последнюю точку; казалось бы, перечитать и – в редакцию. Чую, получилось неплохо – еще бы, все пережито лично, ничего не сочинил. Рассказ готов. Но в нем только часть нашей истории. Остальное хотел записать в виде второго рассказа. Два рассказа, как ни крути – выходит два гонорара.

Перечитал, отложил и задумался. И вижу, никуда ведь не денешься, – придется все рассказывать до конца, в ущерб гонорару, но на пользу исторической достоверности. Единственный раз наступаю на горло своим принципам.

Итак.

III

В лицо мне ударил слепящий свет фар – к дверям подавали авто, черный бронированный «Мерседес». Я на самом деле не в этот момент отключился, и прекрасно слышал, как Игорь Мстиславович крикнул от дверей:

– Осторожнее, это не биомуляжи, это настоящие пришельцы!

И вот тут какой-то доброхот-чернокостюмник, должно быть с перепугу, вырубил меня электрошокером. Поэтому я не помню, как нас с Сеней запаковали в «мерс» и отвезли на виллу.

Да, бляха муха, это была вилла-виллище, шикарный особняк. Вот, бляха муха, и, как говорит Сеня – в натуре не верится, что сижу снова в своем уютном кабинете, обласкав душу приятным коньячком. Вот только со Стеллочкой – все. Моя блудная бедняжка не захотела ждать, пока меня не было. А вот где я был...

Особняк располагался в подмосковном лесу, где-то, как я понимаю, под Нарофоминском. Это и была, собственно, штаб-квартира пресловутого комкона.

Я очнулся уже голым и лежащим на стерильном столе под сканирующим зевом какого-то их прибора, опутанный проводами и прихваченный к столу фиксирующими жгутами. Вот тут тебе, Сеня, они провода и влупили. Тут уж не скажешь – «пластмассовые финтиклюшки». И сам Сеня лежал рядом, на таком же чудо-столе, обреченно выпятив свое выдающееся пузо, сплошь облепеленное черными присосками, увенчанными штырями антенн.

Сеня гнусаво произносил похабные слова, ни к кому особенно не адресуясь. Произносил монотонно и безостановочно. Пузо вместе с присосками колыхалось и напоминало ползущего ежика, царя ежей.

Мне подумалось – сейчас потрошить примутся. Потом подумал – а есть ли в помещении женщины? Убедил себя, что нет, потому как никого кроме нас с Сеней видно не было. Тогда подумал, что они наблюдают за нами через окно. Повертел головой насколько мог – окон вроде не было. Ну тогда точно, – решил я, – следят с помощью телекамер. Боятся нас как инопланетян.

Лежать вот так было неудобно. Хмель куда-то выветрился, и очень хотелось пива. Я окликнул Сеню. Он обернулся и послал меня так, что я понял – Сеня неадекватен. Но я на него не обиделся, ведь это по моей милости он здесь.

– Да, Сеня, мы с тобой теперь пришельцы. Ощущаешь?

Сеня заохал и умолк.

Прошло еще навверное полчаса. Или час – не сориентируешься.

Задница одеревенела, поясница затекла и невыносимо ныла. Сеня стал матюгаться низким хриплым голосом. Но теперь в его нецензурщине появился смысл – он непреклонно требовал от неведомых непечатных гадов свободы и немедленных извинений. Сеня даже стал оперировать угрозами и аргументами юридического характера.

Но вот сзади отворилась дверь и к нам подошли четверо энергичных типов в белых халатах. Я зажмурился. Но потрошить они нас не собирались. Сноровисто отсоединили липучки и провода, освободили от жгутов и напоследок вернули нашу одежду.

Мы принялись вяло одеваться, а в бокс вошел Игорь Мстиславович. Он сиял, был доволен и вообще вел себя как хозяин.

– Ошибочка вышла, господа писатели, – признался он и радушно предложил Сене курить.

Сеня в знак примирения принял от инспектора сигаретку и стал с жадностью заглатывать дым – весьма неаппетитное зрелище. Я же чувствовал себя совершенно ушибленно, мне хотелось в горячую ванну, в постель, мне невыносимо хотелось пива. Пива я и попросил.

Игорь Мстиславович повел нас из подвала наверх. По пути не удержался, объявил, что мы им и такие нужны, и то, что мы не инопланетяне, для них даже много лучше. Зарвавшийся комконовец, конечно, благодушествовал, а меня его восторги насторожили – чего они еще придумали на наши бедные головы?

Движемся мы с Сеней по винтовой лестнице никакие. Хочется сжаться, стать маленьким, прикинуть к мамкиному подолу, как в детстве. Детство: зелено-изумрудные луга, по ним бродят коровы, мычат, щиплют траву. Мир царит и в небе голубом, и всюду под ним. Впрочем, в детстве я коров не видел. С этими милыми животными я познакомился уже в армии – любили они по полигону дефилировать. Смотрят на тебя добрыми, честными глазами, каких среди людей я не замечал, жвачку свою пережевывают – нега и нерушимое спокойствие. А ты, зачуханный солдатик, стоишь с лопатой, тебе надо землю копать, а тебе жарко, солнце палит... Подумалось: коровы – вот настоящие хозяева земли! А мы – разбойники и проходимцы, в смысле пришельцы, марсиане, неведомым ветром занесенные в эти палестины, на головы мирных аборигенов, вот этих самых, щиплющих травку.

Это я описываю сумбур мыслей, медленно колыхавшийся во мне, когда мы никакие поднимались куда-то вверх, затем брели пошатываясь по коридору. Ни коридора я не видел, ни дверей в нем, не помню – стоял ли кто из охраны там. Произошло вытеснение моего испуга, страха и прочего ужаса в эти мелкие мыслишки и летние воспоминания то ли о детстве, то ли о больших армейских маневрах, когда было хорошо.

Наконец нас ввели в залу. Она занимала весь третий этаж, была столь обширной, что в ней не задумываясь можно было проводить матчи по минифутболу, еще хватило бы места для зрителей. На всем этом пространстве полы устланы мягкими коврами; возле северной стены – камин, да такой, что в очаге можно уместить оленя на вертеле. За большими окнами наблюдается балкон, скорее даже не балкон, а терраса, опоясывающая по периметру все здание.

В углах – светильники навроде разноцветных софитов, но с мягким светом. Имеется белый рояль, в другом углу на небольшом подиуме – электроаппаратура с приданными ей гитарами, ударной установкой и клавишными синтезаторами. Над одним из диванов – доспехи и мечи, а над другим – опять-таки гитары с разнообразным количеством струн. Надо думать, хозяин – меломан и разводит цветы, по крайней мере в цветнике, разбитом тут же, под окном – довольно любопытные экземпляры орхидей и еще каких-то незнакомых ярких цветков; это их терпкий аромат я уловил, как только мы вошли.

Стены, потолок и камин облицованы желтым мрамором. Скажете, такого зверя не бывает? Я знаю, да только фактура у этих стен вполне мраморная.

Игорь Мстиславович предложил нам располагаться на диване, что вместе с пуфиками и низкой посадки столами проворные хлопцы в черных костюмах выстраивали в центре залы.

Я сел и перевел дух. Рядом плюхнулся Сеня. Интересно, все-таки, как мягкие блага цивилизации способны действовать на психику – я как-то быстро успокоился. Уже через несколько минут я с любопытством озирался по сторонам, вновь ощутив себя писателем. Я был наблюдателем в центре небывалых событий.

Сеня шумно сопел и тоже озирался, вполне скептически. Я обрадовался за него: человек релаксировал на глазах, в нем снова можно было узнать лауреата государственной премии писателя Татарчука.

Наконец он хмыкнул и ткнул меня локтем:

– Видал – желтый мрамор! Инопланетяне его с Венеры завозят, сволочи. Все здесь инопланетяне. Только мы с тобой – люди! Эй, как там тебя, Мстиславич, где моя мобилка? Вещь дорогая, спутниковая связь. В натуре.

– Видите ли, – вежливо отвечал комконовец, – аппарат временно изъят у вас по соображениям вашей и нашей безопасности. Не надо бы, чтобы вы куда-нибудь отсюда звонили. Но вы не беспокойтесь...

– Видал? – опять ткнул меня Сеня. – Нас, людей, боятся.

Тут он изловчился и поймал за рукав чернокостюмника, – тот как раз с хрустом разворачивал над столом накрахмаленную скатерть, – и грозно спросил:

– Признавайся, ты инопланетянин?

Ушлый Сеня уже смекнул, что нам ничего страшного не грозит. Молодой человек ловко освободил рукав и вновь сосредоточился на скатерти. Сеня тут же о нем позабыл. Он что-то уловил в поведении Игоря Мстиславовича и немедленно сообщил мне:

– А комитетчик-то волнуется. Мелкая рыбешка. Жди серьезных акул, брат. Я же как-то отрешился от происходящего, наверное, даже задремал, потому что стол как-то незаметно оказался сервирован, а от распахнутой балконной двери потянуло холодком. Начинался рассвет, и предрассветный ветер колебал верхушки елей у самых окон.

Передо мной на столе стояла запотевшая бутылка пива. Я глянул на Игоря Мстиславовича – тот ободряюще кивнул. Я с отвращением глотнул разок-другой, но потом пошло как по маслу. От пива меня отпустило по-настоящему, наплыла приятная дремота.

Меня наверное разбудил шум двигателей: где-то внизу у стен особняка гудели двигатели авто. Похоже это собирались гости, которых с таким волнением ждал наш инспектор.

Первым в залу вошел хозяин виллы. Одет он был неуникально, так что его «прикид» описывать смысла нет – типичный набор нуворишей, включая перстень с брильянтом. Мое воображение поразил вид его розовых щечек. Таких пухлых, с нежной, почти детской кожей, аппетитных щечек я, по правде сказать, не видал. Даже не хотелось потрепать по щеке из опасения ей как-то повредить.

Хозяин оказался радушным человеком. Он безразлично кивнул инспектору и, широко разведя руки, приветствовал нас с Сеней:

– Друзья! Наконец-то! Наконец-то мы встретились! Рад, безмерно рад, дорогие мои! Что ж? Как нашли мои пенаты? Удобно ль вам, не стеснили вас тут чем? Дерьмо мой особняк, не так ли? Нуворишество и пижонство! Поверите ли, бросил бы все это к такой-то матери и – матросом на сейнер, в самую путину. А потом с геологической партией бродить по тайге, под звездами, и плевать на комаров и гнус. Да что ж вы не угощаетесь, все закуски – для вас. Выпьем по капушке, познакомимся поближе. Меня вы, надеюсь, знаете. Я – Осинский Митрофан Иосифович. Что, сильно не похож на того мудака, что в телевизоре? Ничего не попишешь – имидж, черт бы его побрал. Вот, – он вытянул руку и растопырил пальцы, – полюбуйтесь, какую гадость таскать приходится.

Но перстней Осинский снимать не стал. Он все время говорил, причем, все такое же сплошь розовое, как его щечки. А Сеня на моих глазах преображался. Сперва, при виде финансового воротилы и крупного промышленника он как-то стушевался, обмяк. А потом, гляжу, плечи расправились, живот подобрался, вальяжность в позе обозначилась, но не наглая, а именно такая, чтобы ощущалось в сениной позе немалое внимание к собеседнику и чуть меньшее к самому себе – без последнего никак, надо же чтобы и собеседник уважал тебя. Сеня ловил буквально каждое слово олигарха. И уже вижу – прикидывает, как бы подкатиться со своими проблемами. Я знаю, что у него на уме. Тираж у него на уме и выгодный контракт. А больше – ничего существенного.

А я гляжу на Осинского и думаю – молодец ты все-таки, Викула-старина, молодец. Раскусил быстро, чьи уши торчат из-за вывески комкона. И так меня с похмелюги этот воротила расположил к себе, что я возьми да и брякни:

– А я еще в ресторане понял, что это вы – спонсор комитета по контактам.

Олигарх широко заулыбался, заметил в ответ:

– Я рад, Викула Селянинович, я почему-то так и думал, что вы вельми сильны именно в психологических аспектах. Внимательно слежу за вашим творчеством. Жаль, что давненько не было ничего нового.

Внезапно прорвало Сеню:

– И ничего удивительного, Митрофан Йесич. Нового у нас – тьма, прорва всего нового. Да вот, скоты, не издают. Издательская политика у них, понимаешь, меняется. Вот взяли бы вы, Митрофан Йесич, да всех их – в Сибирь...

Тут уж я ткнул Сеню локтем.

– Положим, вам, Семен Валентинович, грех обижаться. Уж кого издают, так издают, – шутливо упрекнул Осинский.

– Мало, – с обидой обронил Сеня.

Да, развезло коллегу.

И тут в дверях появляется до боли знакомое лицо, лицо генерального директора издательства «Большой Юго-Восток». Юрий Долгоруков-Самошацкий.

– Ба! – кричит. – Писатели! Не чаял, не ждал увидеть. Митрофан Иосифович, мое почтение. Уже гудим?

Бляха муха! И этот тоже спонсор? Ну-ка, что дальше-то будет? Вот уж воистину ночь испытаний и утро чудес.

Долгоруков-Самошацкий не мешкая ухватил со стола пару ложечек икорки паюсной, положил ее добрым слоем на изумительного вкуса домашние блины, приготовляемые на дрожжевом тесте из гречневой муки, добавил туда же несколько раковых нежных шеек, посыпал кинзой и базиликом, проложил кусочком сыра «сулгуни», свернул все это конвертиком и ласковым движением налил себе фужер водки.

– Ребята, ничего, что я сам? Ваше здоровье, – и закусил выпитое блинным ассорти. Медленно, со знанием дела прожевал и попросил Осинского:

– Сыграй-ка, брат Митя, что-нибудь наше.

Осинский без лишних слов снял со стены двенадцатиструнку и принялся подтягивать колки и перебирать струны, взгляд его затуманился. Он смотрел куда-то за окно, наверное, погружался в бардовскую нирвану.

И полилась песня. Теплая, нашенская, чувственным, несколько ломаным тенором – но в устах кого? Осинского! Песня про сырую тяжесть сапога, росу на карабине; «кругом тайга, одна тайга и мы посередине»...

Долгоруков-Самошацкий подхватил фальшивым баском, но тоже с чувством, со слезою.

– Друзья, давайте, вскрывайте шипучку, – бросил он нам по ходу проигрыша.

Сеня с готовностью занялся шампанским – руки у него тряслись, но ничего не попишешь, очень уж ему хотелось выглядеть своим парнем. Ядреная двухсотдолларовая струя ударила из бутылки и плюхнула на стол, Сеня поспешно привстал и разлил по фужерам из ополовиненной емкости.

Я имел удовольствие видеть, как олигарх Осинский, у которого в ухватистых руках «полцарства расейского», с удовольствием смаковал напиток, радовался как ребенок терпкому кислому вкусу и приговаривал при этом:

– Вот, сволочи, какой-то квас делают, а не шампанское. Вот у нас шампанское – так это шампанское. «Абрау-Дюрсо», «Новосветский сердолик», а, братцы? «Артемовское игристое» в солевых копиях выдерживают – уникальный аромат!

– Митя, а когда собираешься с Западом разделяться? Что-то наглеют не по дням, а по часам. Какие-то они неотчетливые. Может, им финансовый крах устроишь, для начала? – завел неизбежный разговор о политике крупный издатель.

– Успеется, куда они от нас денутся, – меланхолично заметил Осинский и снова взялся за гитару. Песня была про «надежды маленький оркестрик».

Я пересилил себя и занялся таки закусками. Описание оных отняло бы слишком много времени, а между тем ситуация и без того ясна – это вам не ресторан «Пиккадили». Я жевал и совершенно определенно, можно сказать, вкусовыми пупырышками понимал, что все эти круто заряженные посетители ресторанов – сплошь лохи, мелкие обыватели да и только.

Естественно, увлекшись, я пропустил появление третьего спонсора. А когда увидел, – он присаживался напротив, – мне стало не по себе. Батюшки, да это же Витольд Шмаков, человек с глазами одновременно убийцы и вечного двоечника, что изо всех сил старается перейти в следующий класс. Впрочем, сейчас он выглядел совершенно иначе: благожелательность и интерес читались на его лице. А между тем этот человек из ниоткуда, из глухой провинциальной деревни сумел за пять лет подмять под себя всю цветную металлургию N-ской губернии. Это он перестрелял всех местных «воров в законе», пасшихся на этой изобильной делянке, нагнал страху и купил оптом и в розницу милицию, прокуратуру и народный суд, и стал недосягаем, как демиург местного значения.

Он как раз вклинился в диалог Сени с Юрием Долгоруковым-Самошацким. Они оба, на два голоса костили на чем свет стоит российские порядки. Все это стало мне сильно напоминать атмосферу шестидесятницкой кухни – те же безапелляционные приговоры и блеск шашек. Хорошо быть великим в своей компании, особенно, когда не надо отвечать за свои слова, – тут тебе и радикальные планы спасения, и безупречные, никогда не сбывающиеся, футурологические прогнозы.

Но я отвлекся. Шмаков послушал сей задушевный треп и, разлив по стопочкам, произнес тост:

– За Великое Кольцо цивилизаций!

Я сразу не понял, что он имел в виду. И без того это «безумное чаепитие» вызывало во мне все нарастающее смятение. Как же так, думал я, ведь так не бывает, не может быть – Осинский, Шмаков вот так запросто, как школьники распевают романтические песни, пускают слезу. Какие, к черту, из них романтики? Издатель, который меня лишь раз удостоил высо-

чайшей аудиенции, осчастливил пятью минутами, в течении которых еле слышно бубнил себе под нос, так, что приходилось ловить каждое слово – здесь совершенно свой парень, никак не заподозришь в нем сноба и холодного дельца. Про тех двух душегубов я вообще молчу. Но как же Сеня ничего не чувствует, с его-то чутьем? А впрочем, я понимаю – атмосфера затягивает, доверительная близость к сильным мира сего. Это почище денатурата натошак!

Не помню, когда меня шибануло – инопланетяне! Наверное, когда Сеня пошутил насчет желтого мрамора, мол, в каком руднике такой добывают – венерианском или на Церере? А Шмаков нимало не смущаясь ответил:

– Это не мрамор, Сеня. Это – янтарин. Тот самый.

Я глянул и чуть не охнул. Как я раньше не заметил? Стены испускают матовый блеск, исходящий словно из самой толщи густо-янтарного полупрозрачного минерала.

Сеня пошутил что-то насчет комиссии по контактам, не помню что именно. Я еще глянул на Игоря Мстиславовича, собственно, я его на этом банкете рассмотрел в первый раз. Он тихонько сидел в дальнем углу стола, на неудобном пуфике и методично поглощал закуски. Водки и прочего он не пил. Ни на кого не смотрел, смотрел исключительно себе в тарелку.

– А насчет контактов – это вот к нашему инспектору, – посоветовал Осинский.

Игорь Мстиславович поднял голову, отер салфеточкой губы – пришел его час.

– Если мне будет позволено, я несколько проясню ситуацию для господ писателей...

– Проще, проще надо быть, Игорек, – прорвалось что-то знакомое в интонации Шмакова. Нет, все-таки не прорвалось – вполне дружеский тон интеллигентного, но знающего себе цену человека.

Все же подмена типажей меня пугала. Я жаждал видеть в Шмакове бандита, того Шмакова, что мелькал в скандальных телерепортажах, а действительность мне подсовывала чуть ли не диссидента-правозащитника-шестидесятника. Но с другой стороны, положила руку на сердце, бандитской ипостаси я боялся. Я заглядывал в его глаза, пытаюсь разглядеть в них волчьи искорки – тщетно.

– Итак, – приступил к делу инспектор комкона, – биомуляжи и биофантомы. Вот два феномена, с которыми нам постоянно приходится иметь дело. Почему-то инопланетяне избегают иметь с нами прямые контакты. Что такое биомуляж? Это, в собственном смысле, биологический объект, например, человек. Но при этом вовсе не человек. Видите ли, белки белкам – очень даже рознь. На молекулярном уровне – обычная картина. Но на субатомном – никаких вам электронов, никаких нейтрино, кварков и прочих известных науке частиц. Мы это называем «доквантовое желе». Совсем другое дело – биофантомы. Их от людей отличить нельзя, если бы не странная активность их мозга – нет альфа-ритмов, зато есть постоянные и мощные тета-ритмы, знаете, что бывают у человека в период глубокого транса, навроде медитации йогов и тибетских монахов.

– И это тоже – доквантовое желе? – спросил я.

– Нет. Обычные структуры. Здесь разница лишь в системном смысле. Кирпичики те же, что и у нас. В ресторане мы исследовали вас на предмет биофантомности. То, что вы не биомуляжи, я выяснил еще у вас на квартире. Когда я впервые вас увидел, решил, что вы типичные биомуляжи.

– Однако, что за чушь? – возмутился Сеня. – С чего это ты так решил?

– Если вы припоминаете, я вам тогда еще говорил, что к нам обращаются главным образом умалишенные, люди не вполне психически здоровые. Но если уж психическое здоровье налицо, – а вы выглядели нормально, умалишенные такими самодовольными не бывают, – то верно перед тобой биомуляж, реже – биофантом. Мы к этому уже привыкли...

– Извините, но откуда здесь, на Земле биофантомы и эти... биомуляжи?

– Наверное, из космоса, больше неоткуда. Только они о том, откуда они, молчат. Запрограммированы быть людьми. Утверждают, что вокруг сплошь братья по разуму, а как устано-

вить с ними контакт – не сообщают. И вообще несут такую чепуху, что и передать невозможно. Иногда запугивают. Вы тоже каким-то ультиматумом пугали. Само собою я должен был установить истину. Доквантовое желе, как оказалось, совершенно проницаемо излучению лазера в довольно широкой полосе видимого спектра. Поэтому у меня с собой всегда вот эта штука, – Игорь Мстиславович извлек из кармана лазерную указку, какую обычно используют на всяческих лекциях и конференциях. – Но вас лазер не просвечивал. Оставалась проверка на фантомность, а в случае отрицательного результата – на гипноз.

– Гипнотизеры, мать вашу, – незло высказался Сеня.

– Что поделаешь, старик, – дружески обронил Шмаков. – Ты вот послушай дальше, какие дела творятся под Луной.

– Кхм-хм. Продолжаю. По ходу проверки оказалось, что вашей рукой, Викула Селянинович, двигаете вы сами, без посторонних воздействий. А что это значит? А то это значит, что или вы сам – инопланетянин, что конечно было бы слишком просто, или вы – существо-посредник...

– Что-что-о? В каком это смысле – существо? – перебил Сеня.

– Э-э, человек, разумеется, человек, но уже подготовленный пришельцами к контакту. Именно это я имел в виду, когда сообщил вам, что вы еще более ценный подарок для нас, чем нам казалось раньше.

Теперь возмутиться захотелось и мне. Быть специально кем-то подготовленным карасем – увольте.

– Постойте, но зачем им кого-то специально готовить, когда есть эти ваши биомуляжи? Для чего-то же их ваши пришельцы засылают?

– Предположительно в качестве зондов, сборщиков информации. И потом – не все ли равно зачем? Они есть, действуют, но для нас абсолютно бесполезны.

– А тогда, как вы объясните, что сами имели контакт с цивилизацией Дефективных?

– Я же и говорю – так вас подготовили, что рядом с вами практически любой человек может контактировать. Понимаете, насколько это важно?

– Ага, значит это был все же контакт? – возрадовался Сеня и стал бросать беспокойные взгляды на спонсоров.

Те, между тем, сгруппировались между собой и беседовали о чем-то отвлеченном. Но они уловили взгляды Сени и отреагировали должным образом. Осинский разлил всем по фужерам и провозгласил:

– Поздравляю вас, Игорь Мстиславович, поздравляю. Давно бы так. За вас, господа!

– Ну вот, теперь вы, братцы, знаете все, почти столько же, сколько и мы, – вступил Шмаков. – И позвольте уж мне вас спросить – согласны ли вы, милостивые государи, вступить в Содружество Кольца?

– Это какого Кольца – это по Толкиену? – не совсем сориентировался Сеня.

– Э нет, старик. Не по Толкиену. По Ефремову, Ивану Антоновичу.

Я поперхнулся шампанским, оно шибануло мне в ноздри и потекло по рубашке.

– Ребята, – жалким голосом пролепетал я, – но ведь у Ивана Антоновича это происходит в далеком будущем, когда человечество слилось в одну семью...

– Где та семья, а где мы! Космос вот он, уже ждет нас. И что нам отвечать на его приглашение к братству? Подождите, ребята, пускай пройдет пара-тройка тысячелетий, мы сольемся, и вот тогда... А мы вот, здоровые и ко всему готовые.

– Но как же ультиматум? Я приглашения что-то не уловил, – вспомнил я о требованиях Дефективных. – Как-то они с нами уничтожительно.

– Я в курсе, – сказал Осинский. – По поводу ультиматума примем меры. Наверное, с этой цивилизацией нам не по пути. Они ведь сами сказали, что отщепенцы и всех ненавидят.

– Не понимаю, – произнес я и не нашел, что к этому добавить.

– Это не важно. Подумай, старик, вообрази – Великое Кольцо цивилизаций!

– И для этого надо убивать людей?

Признаюсь, эту фразу я произнес чисто машинально, наверное, алкоголь и пережитые потрясения начисто снивелировали инстинкт самосохранения – такое бывает. Вопреки моим опасениям и на этот раз в глазах Шмакова не вспыхнули волчьи искры. Он улыбнулся:

– Позвольте, да кого же это я убивал? Вы были знакомы с Паяльником, то есть, с Евгением Петровичем Паяловым? Или с Колымой? С Титычем? С Васей Пестицидом? Или вот, например, с главным налоговым инспектором N-ской губернии Фомой Львовичем Светозаровым? А мне пришлось. Кому из них, скажите, нужно Великое Кольцо? Кому вообще, из шести миллиардов, нужно Великое Кольцо? Оно нужно нам – ему, мне, таким как мы. Вы посмотрите на это дело с космических позиций. Будущее людей где? Там. А нынешним обитателям Земли что надобно? Угодить своим чреву и чреслам. Понимаете? Но это ноль для космоса, круглый ноль! Подгрести под себя миллиарды и сидеть на них собакой, псом цепным? Позвольте, но так не пойдет.

– А бедной учительнице?.. – спросил я. Голова, признаюсь, шла кругом, я зацепился за одну фразу Шмакова, она вертелась в голове, ничего толком я не воспринимал. Я отказывался понимать и принимать действительность.

– Что бедной учительнице? Пусть учит, – сказал Долгоруков-Самошацкий.

– Учительнице ваше Великое Кольцо нужно?

– Еще как! – просиял Осинский. – А для кого это все мы затеяли? Для нее в первую очередь! Бедность – это малая жертва на пути человечества к Великому Кольцу цивилизаций!

– Да вы, батенька, «Туманность Андромеды» давно ли перечитывали? – спросил Долгоруков-Самошацкий. – Или уже кроме себя никого не читаете?

– Я и так хорошо помню.

– Тогда вы должны припомнить – кто созидал Великое Кольцо?

– Коммунары будущего, в натуре, – ответил за меня Сеня.

– Пассионарии! Более того – гиганты! Куда там до них Аттиле и Чингисхану! Единицы, единицы стоят у истоков великих дел! Мы откроем новую страницу, зложим тот камень, на котором созиждется новое человечество – дети сегодняшних учительниц и шахтеров! Да вы понимаете, на какое дело мы отважились?

А Шмаков, растроганный пафосом Долгорукого-Самошацкого, приблизил ко мне свое лицо и, проникновенно глядя мне в глаза, выдохнул:

– Дружище! Давай сделаем это!

Я непроизвольно отстранился от него и охватил взглядом всю янтариную гостиную: Сеня сидел в восторженной прострации и кивал носом, Осинский с гитарой снова прохаживался вдоль окон и наигрывал «Возьмемся за руки, друзья...», Долгоруков-Самошацкий вытирал салфеткой пальцы, инспектор скромно улыбался и аккуратно подкладывал себе на тарелку креветок в кроваво-красном соусе с зелеными черешками бамбука.

В этот момент внизу, во дворе что-то хлопнуло, и события, в который уже раз за последние сутки, принялись развиваться непредсказуемо.

IV

Хозяин отложил гитару и вышел на балкон.

– Ого! Толя, ребята, айда сюда. По-моему, нас штурмом берут. Нетвердой походкой – не от опьянения, просто нервная система отказывается воспринять новое ЧП, – я достиг балкона, вдохнул слабой грудью лесного утреннего воздуха и только потом посмотрел вниз.

А во дворе творилось что-то непонятное. Сторожка, что при воротах, окутана клубами пара – не пара, тумана – не тумана, и лезут оттуда жуткие твари – серо-зеленые и лупоглазые. Меня какшибанет мысль – инопланетяне! зеленые человечки!

– Молодцы! Аккуратно работают. Слезогонка, противогазы, камуфляж, – одобрительно прогудел Осинский.

Шмаков закурил, спокойно произнес:

– Ставлю, что через три минуты будут здесь – больно хорошо идут.

– Э, нет, шиш. Через две мои их повяжут.

Я обернулся за поддержкой – но Сени рядом со мной не оказалось. Они с Долгоруковым-Самошацким как сидели за столом, так и сидят, видно как издатель тянется фужером к Сене; наверное, у них уже полный брудершафт.

А эти двое будто спектакль наблюдают, как невеста откуда взявшиеся чернокостюмные схватились врукопашную с атакующими камуфляжниками. Тех немного было, человек пять, но как начали они черных махать... Я, хоть и ничего не понимал, но мысленно отметил – какие-то эти черные вялые.

– Профессиональное исполнение, – еще одобрительнее заметил Осинский.

– Смотри, как моих дзержинцев валят. Да, не перевелись еще на Руси добры молодцы. С такими хоть сейчас Америку воевать.

– Америка – империя зла! – веско изрек Шмаков. – Пора нам, Митроша, заняться ею вплотную.

– Эй, орлы, – срывающимся голосом крикнул Осинский, – прекратить! Чернокостюмники, какие на ногах еще стояли, вмиг замерли и – раз-раз – как-то быстро рассосались. Один из нападавших сдернул противогаз и заорал голосом Эдика-авантюриста, адресуясь прямо ко мне:

– Викулыч! Ты в порядке?! Сеня где?

Я рот открыл, но ни слова, обомлевши, сказать не сумел, ограничился кивком. А на балкон выдвинулись, поддерживая друг друга Сеня с Долгоруковым-Самошацким, и оба орут Эдику что-то нечленораздельное.

– А-а, понятно. Наше вам, – Эдик махнул противогазом как шляпой и сделал какой-то знак своей бригаде. Камуфляжники сгруппировались вокруг Эдика, поснимали противогазы, кто-то закурил.

– Надо понимать, это ваши друзья? – обратился ко мне олигарх Осинский. – Вы бы их пригласили к нам.

Меня сновахватило лишь на кивок, а Сеня что есть дури завопил:

– Дюся, блин, айда к нам, тут наливают!

– А может, в беседку, на воздух? – предложил Шмаков.

– Не-ет, – заупрямился Сеня, хотя Шмаков обращался не к нему, а к Осинскому, – пусть мужики тоже выпьют.

– Решено, – решил Осинский. – Пока наверху, а там видно будет.

– Татарчук, твою мать! – рявкнул Эдик. – Пошел на... Я за тебя жопу здесь рву! Я ребят поднял! А они тут водку жрут.

– Понятно, – вновь сориентировался Осинский. – Мужики, идем вниз, к народу!

Мы проследовали к лифту, размером с грузовик, и он опустил нас прямо в просторное фойе, к парадным дверям особняка.

Вид знаменитейшего олигарха настроил бригаду Эдика на миролюбивый лад. Камуфляжники загасили бычки и стали один за другим представляться, с военной отчетливостью. Впрочем, сообщали они одни лишь имена.

– Лихо, орлы, действовали! Сразу видна подготовка, – аттестовал их работу Осинский.

Было камуфляжников немного – пятеро, не считая Эдика, а чернокостюмников, с которыми они чуть не разобрались – не меньше двадцати штук. Правда, не считая снайперов на крыше и деревьях, как это любезно поведал Осинский, обосновывая невозможность успешного штурма, – но те не стреляли.

– Откуда же вы такие дерзкие выискались?

Один из друзей Эдика поправил ремень на комбезе и хрипло произнес:

– Ветераны подразделения «бета».

– «Бета»? Погодите-ка, – припомнил Осинский, – «бета» – это спецотряд глубокого внедрения на пусковые установки ракет шахтного базирования вероятного противника?

– А я о таком не слышал, – с быковатой простодушностью удивился Шмаков.

– Ты, Толя, о многом не слышал, – по-барски небрежно обронил Осинский. Вне пределов янтариновой комнаты спонсоры комкона стали как-то ощутимо меняться. Осинский все больше становился Осинским, а Шмаков – Шмаковым.

– Это единственное спецподразделение, которое не умеет освобождать и оборонять. Их натаскивают исключительно на захваты и штурмы.

Я наконец удивился настолько, что обрел-таки дар речи:

– Эдуард, откуда ты знаком с ними?

– Как это откуда? Обижаешь, Викулыч. Служили.

– А вот Сеня говорил... – тут я немедленно получил от Сени в бок. Пьяный, зараза, а все сечет. Я так не умею. Зато умею долго не пьянеть, в смысле – не отключаться. У меня, без лишней скромности скажу, грандиозный автопилот.

– Давайте, ребята, разомнемся, чем бог послал, водочки выпьем. Как я понимаю, а я кое-что в жизни понимаю – мы все здесь люди неслучайные. Пошли в беседку, – изменил направление беседы Осинский.

Эдик подмигнул мне, точно так же, как ночью в ресторане, и я понял, что у него еще целая колода в рукаве. Улучив момент, он прошептал мне:

– Ты не бойся, мы ж разведгруппа. Нам их снайперы до жопы. У самих в лесу снайперы...

Похоже, Эдик по-прежнему не сомневался, что мы с Сеней в опасности, и, похоже, не доверял ни Осинскому, ни Шмакову, оно и понятно. Я, собственно, сейчас и сам не понимал – в плену мы или в качестве гостей? Пока сидели-закусывали, казалось, что я здесь сам себе хозяин: захотел – встал и ушел, захотел – спать лег. Отрезвил меня Эдик.

Беседка скрывалась глубоко в парке и была размером со столовую на двадцать посадочных мест. Посредине стоял здоровенный круглый стол, его опоясывала цепочка кожаных кресел – это мне напомнило зал заседаний Совета Безопасности ООН. Рядом с беседкой имелся фонтан с бьющими в обнаженных мраморных нимф струями. В центре фонтана на пьедестале возвышалась скульптура: Осинский в шикарной бобровой шубе и шапке Мономаха, со скипетром и державой.

Сеня неприлично вылупил на скульптурную композицию.

Мы вошли в беседку, а друзья Эдика остались у ступеней, так и сказали, мол, мы лучше здесь подождем; отошли к фонтану, двое уселись на парапет, прочие зачем-то скрылись в кустах.

Мы расселись за столом, – чем он был уставлен я описывать уже не буду, утомительно, – и тема спецподразделения «бета» нашла свое продолжение. Продолжил ее Шмаков. Он икнул и в весьма развязной манере поинтересовался:

– А на кой такая «бета» сдалась? Ядерную войну одна группа не порешает. Они берут шахту, а шахт там...

Эдик, не обращая внимания на скоропостижного промышленника, хлебал себе сок да мечтательно поглядывал мимо Осинского, куда-то в сад.

Осинский улыбнулся, как-то по-змеиному:

– Откуда тебе, Толя, знать государственные секреты? Группа захватывает объект. В группе обязательно два штатных программиста с полным программным обеспечением к их гребаной ракете – пароли, программы-взломщики, управляющие программы. Шустро пере-нацеливают ракету на какой-нибудь гребаный Нью-Йорк, или там Вашингтон. И по прямому каналу связываются с президентом их гребаных штатов. Вот тебе, Толя, войне и весь конец. Структурно подчинялись ГРУ.

– Что, их тоже сраные демократы похерили? – спросил Шмаков.

– Хотели приятное сделать американским братьям. Разогнали и отрапортовали. А американские братья говорят – спасибо, конечно, но передайте нам всю документацию по этой группе, для установления атмосферы полного доверия и открытости. Передали. Спасибо, говорят, и молчок. Через несколько лет от агентов узнаем: до наших демократов об этой группе американцы ничего не слышали. А когда услышали, в Пентагоне, в кулуарах пошли разговоры: знай, что у русских такая беда припасена – мы бы им никакой перестройки. А ну как в России путч по ходу дела, и кто-то отдаст приказ – «ракеты с боевого дежурства снять, вероятного противника успокоить, группу «бета» – задействовать». Конец западной демократии.

Я с немалым интересом посмотрел на нашего Эдика-авантюриста, пытаюсь разглядеть черты легендарного героя советского спецназа – куда там. Забаррикадировался Эдик – ни одной чертой не дрогнул. Сидит как ни в чем ни бывало, мол, я тут человек посторонний, вы о своем, а я свое буду, вот хотя бы этот экологически безупречный сок. Глядя на эту бесчувственность, я не вытерпел: как же так, вы тут сидите, рассуждаете, когда вот он – живой, легендарный герой. Я спросил у Эдика, хотя, кажется не о том, о чем надо было:

– Эдик, а если бы американцы не поддались на ваш блеф?

– Викулыч, ты когда-нибудь видел, чтобы я блефовал? – не моргнув ответил Эдик, и все вопросы как-то сами собой отпали. Но, впрочем, не все.

– Между прочим, Эдуард Самсонович, я иногда читаю фантастику. Не буду врать, далеко не все, времени не хватает, да и фантастика не мой жанр, – сменил тему Осинский. – А вот ваши вещи читал.

Осинский сейчас смотрел прямо в глаза Эдику, как это он делал всякий раз, когда «вешал лапшу» журналистам по телевизору. Щеки его обвисли, выражение лица стало значительным, загадочным и весьма отталкивающим, как у настоящего телевизионного Осинского.

– Я читал ваши повести «Сели – поехали» и эту, как ее, «Человек стреляет первым»...

– Нет у меня такой вещи, – поправил его Эдик. – Есть повесть «Зачем стрелять в человека?», из самых ранних моих произведений. Я ее написал десятиклассником. И читать вы ее никак не могли. Она была опубликована в самодеятельном журнале лет шесть назад, ничтожным тиражом, на ротапринте, и с тех пор нигде больше не светила. И слава богу. Фигурируют в ней фразы типа: «Зверское лицо космического бандита перекосила нечеловеческая гримаса... Безжалостные пришельцы навели на него устрашающего вида пищухи, и его верный эргострел сделался совершенно бесполезен»...

Вот так-то. Вот тебе, Викула, и момент истины. Проколося олигарх, с позором прокололся. И увиделась мне в тот же момент такая чудная картинка. Я позволю себе несколько отступить от канвы повествования и описать подробно.

Маленький огонек плыл в ночном небе. Мерцающие звезды, льющий холодный свет, молодой месяц и тишина царили над землею. По темной лесной дороге почти бесшумно скользил длинный бронированный лимузин Осинского.

Осинский, развалившись на заднем сиденье с ноутбуком на коленях, запрашивает по спутниковому каналу всю возможную информацию о писателях-фантастах. Впрочем, углубляться в поступающие файлы у него нет ни времени, ни желания. Вот данные на Татарчука – ага, тщеславен, удачлив, быковат, любит деньги и славу, перед авторитетами трепещет, в личной жизни – скромен, с друзьями – любезен. Такого, решает Осинский, мы возьмем на трепет перед

сильными мира сего, от одной близости со мной расколется. Так, Колокольников Викула Селянинович. Обижен, последние два года не публикуется, стеснен материально, в личной жизни – неразборчив, любит выпить лишнего. Ага, – думает Осинский, – этот может выкинуть коленце, этого надо брать на лезть и обещания издать; надо вызвать Долгорукого-Самошацкого. А Эдуард Самсонович Грязев интересуется Осинского мало. Взгляд рассеянно скользит по выведенному на экране списку публикаций и рецензий. Вот, собственно, с каким багажом сведений о фантастике и едет на встречу Осинский.

Где-то посреди леса командует водителю остановиться. Выходит из лимузина, направляется к ближайшим березам – отлить. А по небу все плывет давешний огонек. На этот плывущий огонек и смотрит Осинский, делая свое нехитрое дело. Шофер заливает в бак из канистры бензин. Осинский возвращается к машине, напоследок провожает взглядом огонек, – тот уже уходит за горизонт, – полагая, что это пролетает искусственный спутник. Снова загружается на свое заднее сиденье и командует трогать. А огонек приостанавливается и, повернув, начинает снижаться к лесу. Вскоре он превращается в светящийся пятиметровый шар, плывущий чуть ли не над верхушками елей. Он летит к особняку, куда приближается лимузин Осинского.

Откуда этот шар у меня взялся? Я даже попытался его мысленно сморгнуть. Нет, висит как приклеенный.

Такая мне пригрезилась картина. А между тем, заскучавший Шмаков полез с дурацким вопросом к нашему Эдику:

– А если сейчас Родина пошлет – будете штурмовать американов?

Эдик поставил стакан и, указав за спину большим пальцем, – точно в направлении скульптуры монарха Осинского – весьма спокойно ответил:

– Таковую родину мы сами пошлем. Пускай сперва вас американцы раком поставят. А там посмотрим...

Шмаков пошел пятнами, и я наконец-то увидел его знаменитый взгляд – сучий, из подлобья. А Осинский, между тем, и бровью не повел – я понял, что он оскорблен, и как всякий «телец» медленно копит злобу для рокового всплеска.

Эдик же в своей нагловатой манере пустился рассказывать содержание повести «Сели – поехали»:

– Так как вы не удосужились хотя бы просмотреть по диагонали мои вещи, то вот вам литературная загадка, имеется в виду первая из названных вами вещей. Тургруппа, а точнее, искатели приключений отправляются в одно очень удаленное и таинственное место в Центральной Азии, заброшенное между южным Тянь-Шанем и страшной пустыней Такла-Макан. Состав группы: профессор археологии со своей лаборанткой, недоучившийся студент, но сынок высокопоставленных родителей, двое крепких парней, умалчивающих о себе, и один гражданин, который отрекомендовывается путешественником во времени. Нимало не смущаясь сообщает всем, что прибыл из будущего, впрочем, ему никто не верит. Но и за сумасшедшего не держат – в такую экспедицию сумасшедшего не пустят. Далее возникает ряд сюжетных ситуаций, не совместимых с жизнью. То есть, имеем дело с сюжетом типа «билет в один конец», – о, узнаю руку! У Эдика-авантюриста должны погибнуть все. Таков его авторский принцип: в настоящей жизни счастливых концов не бывает. – Все погибают, кроме одного. Вопрос: кто этот счастливчик?

Осинский улыбнулся и нащупал взглядом Долгорукого-Самошацкого:

– Читал, небось?

– Представь себе, нет.

– Ну так как – есть версия?

– Версии нет, – развязно подмигнул нетрезвый издатель.

– Кто-то из тех крепких парней, – объявил Шмаков. Бандит увлекся литературной игрой. – Не-а? Ну тогда баба. Эти стервы всегда выцарапаются, мужиков подставят, а сами смоятся! И не баба? Ну тогда не знаю, закрутил ты.

– Ответ простой. Путешественник во времени.

– Чудик что-ли? Ну ты гонишь, писатель. Я не согласен. Это не по теме – чудиков мочат первыми.

– Все правильно, – невозмутимо согласился Эдик. – Но только одно уточнение: он и в самом деле гость из будущего. А значит в прошлом с ним ничего не может случиться. Так последняя фраза и звучит: «Он был здесь гостем из будущего – и погибнуть было не в его силах».

– Круто ты загибаешь. Из будущего? Ну-ну, – медленно разбирался Шмаков в несвойственных ему материях.

Тут меня пробило. Как это в несвойственных? А кто мне про Великое Кольцо, про «Туманность Андромеды»? Все, я решительно отказался понимать происходящее.

Тут вдруг из своего далека показался писатель Татарчук. Он подмигнул издателю и с чувством поведаль:

– Дюся, да это что – машины времени! У них там наверху комната из чистого янтарина! А сами они – за Содружество Кольца, как у Иван Антоныча! Нас в Кольцо уже пригласили. А ты как, не против – будешь вступить?

Эдик или не воспринял всерьез заплетающуюся речь Сени, или продолжал гнуть избранную линию, то есть выжидал подходящего момента для решительных действий.

– «Туманность Андромеды»? Ну как же... Да будет тебе, Сеня, известно, что в том прекрасном мире совершенно нет людей. Киберы там, киберы. Людей они истребили из зависти и ревности, чтобы никто им больше не мешал считать себя человеками, притом наилучшими, высшей пробы. Психика, понимаешь, уж больно нелюдская, и нагрузки они выдерживают недюжинные. Пускаются в дикие авантюры, но при этом – полный контроль и спокойствие. То, что у людей решается через чувство, влечение, короче говоря, спонтанно, – у них определяется логикой и...

– Значит так, – перебил внезапно стальным голосом, с противным телевизионным придыханием Осинский, – погостили, поговорили и будет с вас. Больше вас, господа, не задерживаю. Всего наилучшего. И последнее – ни о каких Кольцах и ресторанных пришельцах вы ничего не знаете и знать не желаете. Доступно?

Эдик поднялся, повел плечами. Но тоже, как я потом понял – не просто так повел.

– Ну что ж, мужики. Раз такое дело – идем отсюда.

– А вот это, батенька, извините. Семен Валентинович и Викула Селянинович – мои дорогие гости, и я их не отпускаю. Я имею в виду исключительно вас, Эдуард Самсонович и ваших бойцов. Мои люди проводят вас.

И Осинский поднял было руку, наверное, чтобы подать знак чернокостюмникам, да так и замер.

В руках у Эдика незнамо как возник маленький автомат – не автомат, пистолет – не пистолет. Небольшое такое ружьишко. Защелкнулся на локте металлический приклад, и прямо в лоб Осинскому уперся луч лазерного прицела. Я был рядом с Эдиком и хорошо видел ход луча – прямо во лбу Осинского образовалась светящаяся красно-туманная воронка, а сам луч рассыпался искрами на полированном мраморе колонны прямо за спиной олигарха. Луч осветил его насквозь!

В этот же момент я обнаружил, что и другие наши собеседники, и их охрана – под лазерными прицелами. И у всех во лбах – световые воронки.

– Биомуляжи! Все – биомуляжи! Караул! – раздался вопль инспектора комкона Игоря Мстиславовича. Оказывается, он тоже был с нами в беседке, а я его до сих пор и не видел!

– Уберите лазеры, – сквозь зубы прошипел Осинский. – Уберите, пока не поздно.
Эдик ухмыльнулся.

– Щас же! Давай своим снайперам команду выпустить нас всех. Ребята, – это уже нам с Сеней, – уходим. Сеня, соберись, оторви зад и двигай.

Но ничего мы не успели. Ярчайшее, неземное сияние слепительно затопило беседку, так, что я уже никого и ничего разглядеть не мог. Помню только вопль Осинского:

– Поздно!..

V

Нет, что ни говорите, а терять сознание два раза за одни сутки – плохо. Я очнулся в сильном эйфорическом состоянии, как после невероятной попойки. Тело отсутствовало, а голова кружилась, или это стены описывали вокруг меня медленную циркуляцию. Я попробовал было встать, но пол мягко колыхнулся, как на волне.

– Балдеж! – донеслось до моего слуха истерическое восклицание, – Во, балдеж!

Сеня стоял на четвереньках, и, раскачиваясь, вращал головой.

– А я в противоход вращаю, так балдежнее...

Я понял, что тоже кручу головой и тоже стою на карачках.

– Катарсис! – раздался за спиной, точнее откуда-то сзади, голос Эдика. – Полный катарсис!

Тут прорвало и меня:

– Восторг блаженный!

И мы надолго выпали.

А потом пришли очень смешные создания. Здоровенные дылды, в металлических балахонах – в подвижных складках железный скрежет и фиолетовые искры. И такие здоровущие – то, что у них на плечах вместо головы, как будто парит высоко в тумане. Вместо рож – умора – клювы. С клювов свисает длинный мох, или водоросли, или лишайник.

Подцепили нас крюками и поволокли. Мы хихикали, очень уж было уморительно. Волокли, волокли, а потом как швырнут! Мордой во что-то тягучее, с резким запахом сыра «чедер». Чудный аромат, я просто зашелся в хохоте. А поскольку морда вся была залеплена, то чуть не надорвался. Живот стянуло судорогой, и он улетел куда-то необычайно далеко. А я успокоился и уснул.

Во сне меня одолевали блондинки. Требовали автографов. А я требовал танца живота. Потом пришел Эдик со своим автоматом и скосил их лазерным лучом. А другой я висел над всем этим и кричал сверху:

«Красота! Красота!» А потом пришел Сеня и сказал: «Смотри, мое пузо превращается в Сверхновую!» И точно, брюхо Сени стало раздуваться. Сенина голова катастрофически уменьшалась и, сравнившись с горошиной, пропала где-то за окружностью космического пуза. А потом пузо превратилось в Сверхновую. И над ухом голос Сени: «Я же говорил».

– Я же говорил! Марсиане нас зацапали. Во, Викула очнулся. Викула, ну как? Хреново? Не тошнит, нет? А меня тошнит. А блевать куда прикажешь?..

Я сел и осмотрелся. Да, не только блевать, но и все остальное девать некуда. Между тем, в животе у меня бурчало. Накатывали позывы.

– Дыши глубже и медленно, – советовал Сене Эдик. Он опирался спиной о стену. – И поприседай.

– Бесполезно, – раздался новый голос.

Прямо из стены, ставшей в этот момент туманной, мимо Эдика шагнул человек в дорогом кашемировом пальто и модной кепочке.

– Блюй прямо здесь, оно само рассосется. Здесь у них все продумано, цивилизованно.

– Ты кто? – спросил его Эдик.

– Я? – обернулся тот. – Человек. Вот моя визитка. Я представляю фирму «Арсо». Реализуем кирпич всех марок. Вы себе дачу строите? Вам повезло, наш кирпич самого высшего качества, цены очень дешевые.

Незнакомец выжидающе замолчал. Не дождавшись ответа, продолжил:

– А также шифер, шлакоблок, щебень. Цемент четырехсотый, шестисотый – дача века стоять будет. И внукам будет, и правнукам. Вас помнить будут...

– Ты кто? – снова спросил Эдик.

– Значит, стройматериалами не интересуетесь, – вздохнул фирмач.

– Зовут тебя как, блин?! – не выдержал Сеня.

– Позвольте, – человек забрал у Эдика визитку и прочитал: – Артур Афанасьевич Чуб, менеджер по продажам. Точно, это я.

Мы с Сеней понимающе переглянулись.

– Где мы? – все в том же благоприобретенном лаконичном стиле спросил Эдик.

– А там написано, – фирмач указал пальцем прямо в переливчатый свод. Под потолком, или как его там, переливалась эдакая тройная лента Мебиуса, и ползли по ней то ли символы, то ли фигуры. Ты на них смотришь, а в голове сам по себе возникает текст: «Имперские силы дальнего действия. Арктурианец Стерх. Пятый трюм, пятая палуба. Стандартный доступ...» Какой именно доступ – читается по-разному. То ли «адекватный». То ли – «позитивный». Потом прочиталось – «общевойсковой», потом – «селективный». А потом зафиксировалось – «зооветеринарный».

– Э-э, Стерхи, – разочарованно протянул Сеня. – Я же помню, были марсианские треножники. Как они нас в свою эту корзину побросали, а потом выгрузили. Во что-то жидкое... В море, что-ли? Соленое было...

Тут Сеня запнулся, соображая – как же так море, если все сухие. И откуда здесь морская вода?

– Покойники, – возразил Эдуард. – Налетели плотной массой. Вынесли на плечах. Всё.

Он потерял лопатками о стену, с недоумением повернулся. Погладил стену рукой и с репликой: «Ну, дела!» полез вверх. Долез до середины, повернулся к нам – как приклеился спиной, – и повторил:

– Ну, дела!

Потом он, видимо из пижонства, заложил ногу за ногу и заскользил по стене вниз, но на полпути передумал и заскользил вверх.

– Ну, я пойду, – подал голос фирмач Чуб. – Если появится желание приобрести стройматериалы, то вот мои координаты, – и протянул мне визитку. Шагнул в стену и был таков.

Сеня отошел в угол и принялся туда мочиться. Прокомментировал:

– Гляди, в натуре рассасывается.

Очевидно, Сеня уже смекнул, что и у марсиан можно жить.

– Но где мы? – с потолка спросил Эдик-авантюрист.

– На звездолете «Арктурианец Стерх», – указал я на петлю Мебиуса, под которой сейчас болтался Эдик.

– Это я вижу. Но где мы?

– Пятый трюм, пятая палуба.

– Это я вижу. Нет, надо насквозь.

И Эдик просочился сквозь петлю Мебиуса и, наверное, сквозь потолок.

Сеню наконец стошнило, в том же углу. После чего он произнес:

– Поесть бы, а?

– И попить, – поддержал я. – Но откуда взять?

– Проблема, – вздохнул Сеня.

Молчать ему явно не хотелось. Он принялся рассказывать свой сон:

– Мы с тобой на телешоу. Звезды эстрады, академики и миллионеры. Кланяются мне, стали на колени и лбами о землю. Просят вставить их в текст моего романа. Говорят, чтобы стать бессмертными. Но, понимаешь, в чем заковыка, старик? Персонажей-то у меня в романе много, но на всех все равно не хватит. У меня, в конце концов, друзья, родственники есть. Тетка обидится, а я этого не хочу. Мда...

– Ну и как ты выкрутился?

– Превратился в Сверхновую, и все дела.

– Так я и знал. Сеня-суперстар.

Свой сон я рассказывать не стал. После сениного он показался мне каким-то убогим.

– Что-то Эдик задерживается, – сказал я. – Может, пойдем поищем?

– Никуда я отсюда не пойду. Вдруг там треножки? Не хочу!

Вдруг из пола возник инспектор комкона Игорь Мстиславович.

– А, и вы здесь? – недовольно произнес он.

– Ублюдок, рожа марсианская! – набросился на него Сеня. Схватил за грудки, оторвал как пушинку от пола и принялся на весу трясти. – Все из-за тебя. В ресторан заманил! Чтоб ты провалился, козел!

Тут Сеня совершил невообразимое: занес инспектора над головой и широким движением вогнал в пол. Инспектор исчез, как появился, а по полу пошли расходиться разноцветные волны.

– Ф-фух! – выдохнул Сеня. – Хоть с одним гадом разделались.

Он отер ладони о свои спортивные штаны. А затем со словами: «А куда это он улетел?» стал на колени и погрузил голову в пол.

Меня зачем-то потянуло сделать то же самое. Я хотел только посмотреть, но меня перекувырнуло, и я оказался в плотной толпе людей. Кто-то схватил меня за рукав. Оказалось, Сеня.

– Викула, ты не так быстро, в натуре.

Я обнаружил, что довольно проворно двигаюсь в этой толпе. Но куда я шел? Черт возьми, в самом деле, куда идти-то?

А вокруг двигались люди. Но не просто двигались. Проходящие мимо заговаривали с нами. Причем, один произносил два-три слова и исчезал в толпе, другой продолжал фразу и тоже исчезал...

Они говорили:

– Мы – арктурианские Стерхи. Мы взяли вас в плен, вы наши заложники. Очень ценные заложники. Пока мы не завоюем вашу планету, вы будете у нас в плену. Мы вырвали вас из рук Сообщества Фантомов. Фантомы в ходе операции растворены. Их цель – довести планету до ядерной войны. Наша цель – заморозить планету не разогревая. Нас интересует чистый лед. Ваша цивилизация слишком обширна. Вы хотите всего сразу. А надо хотеть только лед...

Тут в толпе мелькнуло знакомое лицо фирмача Чуба. Он протиснулся между двумя типичными американками. Он жаловался:

– Лед они хотят, крупными партиями. Кирпич им не нужен. Я хотел на фирму насчет льда, может айсберг бартером на кирпич. Звоню по мобилке, – тут он достал из кармана мобильный телефон и тут же сунул его обратно, – а там все время занято. С автонабора раз семьсот звонил. Как вы думаете, оплатят мне пребывание здесь как командировку?

– Если этим марсианам кирпич толкнешь – оплатят, – заверил его Сеня.

– Не нужен им кирпич, им только лед нужен.

– Ну, тогда не оплатят. Слушай, друг, я вижу, ты давно здесь. Скажи, где тут пожарть?

– Можно в ресторане, можно в камеру заказать по бегущей строке.

– А где типа ресторан?

Фирмач огляделся:

– А вон вывеска.

Вот бляха муха! Как же я сразу не увидел? Тут же всюду небоскребы и вывески неоновые, правда в тумане. И все на английском.

– Это Диптаун, Сеня, – сообразил я, – виртуальная реальность.

– Э нет. Это Матрица. Культовый фильм американцев.

– Все-таки, Сеня, у тебя мозги набекрень. Как же мы могли попасть в фильм? Соображаешь?

– Я-то соображаю. А у тебя с мозгами как, типа в порядке? Можно подумать, что в твоём виртуальном Диптауне можно жить. А мы не только живем, мы жрать хотим.

– Так где мы тогда?

– Хватит мозги парить. Предлагаю положиться на чувства. Где там их ресторан?

Сквозь толпу мы просочились к дому с вывеской «Макдональдс». Существа из толпы продолжали нам что-то вещать, но мы уже не слушали. Макдональдс был виду самого обычного, к нам тут же подскочила девица в майке и кепочке, сунула менюшку и скороговоркой сообщила:

– Обстоятельства изменились. Вы нам в качестве заложников не нужны. Нужны в качестве пищи. Сейчас вас принесут.

Сеня выкатил на нее глаза, а она, вильнув задом на манер штурмового вертолета Апача, удалилась.

Наш столик окружали ребята в фирменных маечках, кепочках, – все молодые, серьезные, как гринписовцы.

– Что это, Викула? Зачем это они?

Я подумал, что он по своему обыкновению растерялся. Но нет, Сеня подхватился, схватил за торс одного мулатика и хотел было проделать над ним что-то подобное трюку с инспектором. Но не тут-то было.

– Тяжелый, черт, как сто пудов! – успел удивиться Сеня.

Существа схватили нас и понесли на руках в направлении кухни.

– Жарить будут нас, что-ли? – в процессе перемещения спросил меня Сеня.

– Не знаю.

– Викулыч, придумывай давай, а то на гамбургеры пустят!

А что придумывать? Видимо, это был конец, самый что ни на есть окончательный.

Нас уже положили лицом вниз на разделочные столы, крепко придавив. «Сейчас резать начнут, – подумалось мне, как-то неэмоционально подумалось. – Разрежут, и кровь подтирать не надо – сама рассосется». Одним словом, я всерьез приготовился кануть в небытие.

Но тут раздался оглушительный сенин визг:

– Мудак, бездарь, ноль литературный! Придумай!

И я придумал. Вернее вспомнил, что в кармане должен быть обломок моего «Кох-и-нора», тот самый, контактерский. И я вспомнил о Дефективных. Дефективные – вот последнее средство!

Но как освободить руку? Даже не дернешься.

И я завопил:

– Дефективные! Спасите!

Прямо над ухом, да нет, не над ухом – в голове раздался гнусавый, картавый, хвастливый голос:

– Ага, паскудные земляне! Вас предупреждали – не путайтесь со Стерхами. Надо было выполнять ультиматум! Будете выполнять?

– Обязательно, – честно пообещал я.

– Ага! Тогда отбой, упрямое двуногое!

– Стойте, куда вы! Дефективные, миленькие, спасите!

И какой-то новый, механический голос у меня в голове, наверное, голос самой бомбы, произнес:

– Энтропийная бомба приведена в действие. Идет сжатие пространства. Следующая фаза взрыва – растяжение времени...

Давление вражеских рук исчезло, вообще исчезли всякие ощущения. Я понял, что оцинкованный разделочный стол, и я вместе с ним, погибает, выкручивается на себя на манер капсулы, и все это катастрофически уменьшается в размерах. А потом словно выстрелила гигантская катапульта – и оп-ля! – я торчу в мещерском болоте, а рядом барахтается Сеня, отплевывается.

Спаслись.

VI

Телефонный звонок застал меня в ванной. Я лежал в горячей воде, сдобренной хвойным бальзамом, потягивая из любимого пузатого фужера коньячок. Я расслаблялся. Нам, писателям, в процессе работы над текстом приходится испытывать сильнейшие психоэмоциональные нагрузки. Магнетическое действие образов на их создателя – черт знает, как это выходит, – ставит его почти на грань помешательства. Впрочем, понять это может только собрат по перу. Соответственно, у каждого из нас имеется своя собственная метода восстановления душевного равновесия.

Итак, я снял трубку – благо в свое время натыкал во все помещения по аппарату, – и услышал голос Сени:

– Старик! Ты как, оклемался?

– Угу, расслабляюсь.

– А моя старуха мне бучу закатаила. Викула, ты в курсе – нас две недели не было? Она на розыск подала, – Сеня шумно запыхтел в трубке.

– Поздравляю. Моя вещи собрала и записку оставила.

Записка была обидного содержания. Я сделал большой глоток из фужера.

– Старик, ты двигай ко мне. Что-то мне тоскливо.

– Прямо сейчас? Я в ванне сижу.

– Тоскливо мне, Викулыч. Поговорить бы.

Делать нечего.

– Ну, тогда жди через час.

Так и не ощутив вожаемой релаксации, я вылез из ванны, насухо обтерся жестким махровым полотенцем и достал из аптечки скляночку валериановых капель. Накапал, на глаз, капель семьдесят да и хряпнул пополам с водичкой. Вообще-то, подобный радикализм не в моих правилах, но эти сенины две недели... Я вышел на лоджию остыть после ванны. Дело шло к закату, стрекотали, проносясь мимо окон, ласточки, внизу толпились пятиэтажки, и в переулках между ними шевелились разноцветные гирлянды автомобилей. Рабочему дню конец, народонаселение жаждет покоя и спешит из города прочь, на дачи.

Э-э, нет, покою я не дожусь. Где там мои Стерхи? Я пошел в кабинет. Взял со стола исписанный листок с набросками к роману. Вот тебе и Диптаун, вот тебе звездолет «Арктурианец Стерх». Странно все это. Даже не знаю, что именно так задевает душу? Не знаю. Несомненно лишь одно – я что-то пережил, но вот что это было?

Я вертел в руках несчастный листок, в голове в общем-то была лишь одна серьезная мысль: «Мистика – неотъемлемая часть писательского ремесла. Надо перетерпеть».

К Сене я прибыл раньше обещанного часа. Оказалось, что к нему уже успел подъехать Эдик, и они ждали лишь меня.

Открывал мне дверь Сеня. Он был мрачен, по правде сказать, таким сумрачным я его никогда не видел.

– Ну, проходи, – буркнул он и указал на дверь кабинета.

В кабинете было сильно накурено – Сеня и Эдик надымили. Эдик-авантюрист, в отличие от нас, пребывал в спокойном расположении духа. Он крепко стиснул мне руку и подмигнул:

– А у меня для Сени сюрприз.

Сумрачный Сеня закрыл на замок дверь кабинета, выкатил нижний ящик стола, вытащил молча оттуда бутылку водки и три пластмассовых стаканчика. Разил, выпили. И молча уставились друг на друга. Еще разлил, еще выпили. Опять уставились. Вдруг Сеня как-то абстрактно нахмурил брови и без всякого выражения произнес:

– Где-то закуска была.

И выкатил другой нижний ящик своего шикарного офисного стола. Там у него были бисквиты, всех сортов. Сеня достал одну коробку. Пожевали бисквитов.

Эдик подхватил со стола пустую бутылку, укоризненно покачал головой – мол, плохая примета, денег не будет, – и поставил на пол. Посмотрел на часы.

– Восемь ноль две. Новости начались. Сеня, давай посмотрим новости. За две недели всякое могло случиться.

Сеня взял пульт и ткнул в угол. Вспыхнул экран телевизора, возникла тараторящая дикторша Иванова. Тараторила она какую-то галиматью – о депутатских скандалах, о потоках бюджетных средств, о награждении очередной группы деятелей культуры очередными высокими наградами. Наконец, она объявила новую тему – и мы включились.

– А теперь о ситуации вокруг исчезновения известных предпринимателей Осинского и Шмакова. На брифинге в пресс-центре МВД первый заместитель министра внутренних дел генерал-майор Жлобов сообщил журналистам, что никаких новых подробностей по делу он предоставить не может, милиция и прокуратура продолжают отрабатывать три главные версии. Между тем, источник в прокуратуре, пожелавший остаться неизвестным, сообщает: незадолго до исчезновения Осинский и Шмаков встречались. Что могло заставить двух крупнейших олигархов искать встречи? Сферы их интересов вплоть до последнего времени не пересекались...

Сеня громко хрюкнул и скороговоркой выпалил:

– Скоты, сволочи, п... – и тому подобная нецензурщина.

– Тихо, Сеня, тихо. Их уже нет, – сказал Эдик.

– Это и есть твой сюрприз? – спросил я.

– Почти. Как тебе, Сеня, без мобильного живется?

– А-а, – безвольно огрызнулся Сеня, плюхнулся в кресло. Надумав, выкатил ящик и добыл новую бутылку. – Наливай.

Эдик разлил, мы выпили. Закусив бисквитом, Эдик жестом фокусника вытащил из кармана пиджака сенин мобильник.

– На, владей.

– Он? Он. Мужики – он! – обрадовался Сеня. – Где взял?

– В лесу на поляне.

– В каком лесу?

– Том самом, где особняк ныне исчезнувшего олигарха.

– Воображаю, что там творится, – сказал я.

– Ничего не творится. Ничего в этом месте кроме леса нынче нет. И такое впечатление, что никогда не было. А вот мобильник аккуратно валялся там, где должна была стоять беседка. Кстати, днем позвонил в «Юго-Восток». Они в трауре.

– Самошацкий тоже?

– Тоже.

– Ну, значит, теперь нам путь в «Юго-Восток» открыт, – мрачно пошутил я.

Сеня тупо смотрел на Эдуарда.

– Повтори.

– Нет особняка и не было. Никаких следов, кроме твоего агрегата. Ты давай, резче сообщай.

– Резче? А мы – есть?

– Вот мы как раз есть. А тех – нет. Ну?

– Так значит – все путем?

– Путем, путем, – добродушно улыбнулся Эдик-авантюрист.

– Ну, смотри тогда, – Сеня расчехлил мобильный телефон и набрал номерок. – Смотри, аккумулятор не сел... Але? Ну, я хорошо слышу. Але, говорю. Это комкон?

Похоже, Сеня растерялся. Он изумленно глянул на нас – наверное, думал, что и комкон исчез.

– Ага. А Игорь Мстиславич работает? Дома? А номерочек будьте любезны? Приятель. Он в курсе. Ага, записываю.

Сеня ввел номер в память телефона и спросил нас:

– Ну че, звонить что-ли?

Эдик пожал плечами. Я промолчал.

– Ну, я звоню... Але? Мстиславич? Это я, писатель Татарчук. Да, живой. И вы, я слышу, живой. Ну и слава богу. Как вы, ничего? Восстанавливаетесь? Ну-ну. А мы здесь все вместе, трое писателей. А спонсоры ваши – тью-тью, на марсианскую базу отбыли. Как – с чего взял? Да так, с того самого... А кто ж они после всего? Марсиане, факт. Да? А встретиться не желаете? Ну, тогда всего хорошего. Если чего – звоните. Мой телефон у вас, небось, имеется, а? Пока... Ну вот, – повернулся к нам Сеня, – поговорили. Нервничает инспектор. Говорит – при чем тут пришельцы. Дурак он, что тут скажешь. Ну, а мы что, умнее? Ты вот мне ответь, Грязев – что с нами было?

– Да-да, – подхватил я. – Что такое с нами случилось? Две недели – это я понимаю, это сжатие времени. Это, по крайней мере, парадоксом Эйнштейна можно объяснить. Но все остальное?!

– Ну, арктурианские Стерхи – это американский фильм. Так и называется – «Стерх из системы Арктура», – начал издали Эдик.

– Эй, погоди, – перебил его я. – «Стерха» я придумал. Я роман начал.

– Наверное, фильм видел, и где-то в голове запало. Так бывает.

– Да нет же! Я американское кино никогда не смотрю – фантазию отбивает.

– Это есть, – согласился Эдик. – Значит, говоришь, придумал. Это тоже укладывается в мою гипотезу.

– Какая гипотеза? – стал вскипать Сеня. – Какая к такой матери гипотеза?! Марсиане нас замели. В смысле, инопланетяне. Ты что – не понимаешь, они в любой момент могут вернуться!

– Да ну! – поморщился Эдуард. – Ты на своих «Наездах у Альфы Центавра» совсем вкус испортил, нюх потерял.

Вступать в обсуждение собственного вкуса Сеня не стал.

– Ты пошевели извилинами, – продолжил Эдуард. – Ну что инопланетянам за дело до нашей политики? Чепуха вся эта политика для них. Если они и есть, то мы их интересуем исключительно как субъекты космического пространства, и никак иначе. А сейчас я вам скажу, что это было...

– Погоди, – попридержал его я. – Меня не интересует, почему да отчего. Меня интересует – зачем именно меня, Викулу Колокольникову мироздание взяло за шкуру и мордой во все это? А?

– Сопли брось, – брезгливо произнес Эдик.

– Сопли? Нет, ты мне ответь... Где ты был?..

Я имел в виду – где он был, когда нас с Сеней разделявать на гамбургеры собрались. Он же понял другое. Пустился рассказывать:

– А, ты про ресторан? Это просто. Тех молодцев я там ложить не стал – боялся с пьяного дела поубивать ненароком. И потом, очень некстати ты мне стулом по башке заехал. Мы с ребятами вернулись, взяли за жабры администратора. Он про особняк знал. А уже на месте определились.

– Нет, ты мне ответь, – полез со своим Сеня. – Почему не инопланетяне, когда инопланетяне? Кто ж еще? Вон, инспектор – пришелец. Сидит себе, планы строит. Он типа с теми, с его дефективными инопланетянами, – Сеня кивнул в мою сторону, – воюет. Это точно. Иначе никак не сходится. А мы между молотом и наковальней. Понял? Ты мне ответь – зачем мы? Я в случай не верю, понял?

– Не шуми, Сеня. Значит так. Никаких инопланетян нет...

Зазвонил сенин мобильник. Сеня начал нагло:

– Але? Ну, я, – а дальше голос его сполз в трясину недоумения. – Понял... Понял... Да... Понял. Ага, до свидания...

Сеня растерянно взялся за бутылку. В глубокой задумчивости разлил остаток водки по стаканам.

– Дела, мужики, – поднял свой стакан и как-то слишком уж задумчиво выцедил.

– Да не томи, Сеня, – не выдержал я. – Что там у тебя?

– От Осинского звонили.

– Как от Осинского?! – спросили мы с Эдиком в один голос.

– Осинский распорядился подарить мне лептоп. Какой-то новейший, с речевым вводом. Во, блин, дела!

Сеня в третий раз полез в ящик стола за бутылкой.

– Открывайте, мужики. Разобраться надо – пропал Осинский, или скрывается, нашими душами интересуется? Надо же, кредитную карточку предоставил, в Стройинвестбанке счет открыл на двадцать тысяч долларов. Я что-то не въезжаю...

– А может, это шутка? – спросил я и тут же почувствовал – нет, не шутка.

– Большой человек ты, Сеня, теперь, – съязвил Эдик. – Покойники тобой интересуются. Сеня вдруг выкатил глаза и страшным шепотом произнес:

– Я знаю! Этот мобильник они нарочно подложили, чтобы связь оттуда со мной поддерживать.

– Ага, точно, с того света, – поддержал его Эдик.

– Нет, не с того света, а с этого. С Марса! С Марса этот звоночек был.

Да, не подозревал я в Сене способностей к подобным всплескам фантазии. По мобильному телефону – с другой планеты! Я конечно никому не поверил – ни Сене, ни Эдику. У меня уже где-то подспудно рождался верный ответ. Но покамест он маячил неотчетливо.

Мобильник зазвонил вновь. Сеня посмотрел на него, и предложил мне:

– На, поговори. Меня нет дома. Мусор выношу.

– Да? – я на всякий случай взял деловой тон. – Нет, Татарчук сейчас подойдет. Может, что ему надо передать? Понял... Это же здорово. А скажите, барышня, а там случаем Колокольникова в планах нет? Есть?

Тут выпал и я. Дыхание сперло. Я отвел мобильник в сторону и пару раз глубоко вздохнул.

– Понимаете, я и есть писатель Колокольников. Да, сейчас продиктую. Собственно, название короткое – «Вторжение». Новый роман. На конец осени? Очень хорошо, не возражаю. Примерный объем? Думаю, двенадцать авторских. А какой намечается тираж? Сколько? Пятьдесят?.. А вот и Татарчук подошел. Передаю трубку.

Я ткнул Сене телефон. Тот уже сориентировался и начал вальяжничать:

– Татарчук слушает. Да, рыбонька. Ну что ж, давно пора было. Понял. Оч-чень хорошо. И переиздание? Не возражаю. В какую серию пойдет? Нет, это меня не устраивает. Что ж, вижу придется лично посетить. Хорошо, можно послезавтра. И вам, рыбонька, того же.

Сеня радовался.

– Да, мужики. Возлюбили нас в «Юго-Востоке». Согласны под нас новую серию зарядить.

– Покойничек Самошацкий подсутился? – ехидничал Эдик.

– Гм, – осекся Сеня. – В натуре...

Эдик аккуратно убрал нераскупоренную бутылку со стола. И заговорил весьма серьезно:

– Сеня, Викула. Предоставляю единственный шанс избавиться от марсианской, покойнической и прочей паранойи. Внемлите, судари. Думаю, вам знакомо такое слово – «ноосфера». Вопросы есть? Пока нет. Тогда продолжим.

Эдик пошарил под столом, вытащил обратно бутылку водки и поставил снова на стол.

– Вот вам ноосфера...

– Бутылка, что-ль? – пожал плечами Сеня.

– Не угадал. Водка. Почему она на столе? Потому что мы этого хотим. Доступно? Угу. Почему мы ее хотим – это наше дело. А вот отчего она на столе – вот главное в учении о ноосфере!

– Не понял, – честно признался я.

– Этого никто не понимает! В чем главный прикол? В том, что она уже здесь, а отчего она здесь – никто не понимает.

– Бутылка? – тоном идиота переспросил Сеня.

– Ноосфера! Мы водку пьем? Пьем. Потребляем. Значит, она есть. И ноосфера есть, так как мы ее тоже потребляем. То есть, используем. Мысли, слова, эти, как их, архетипы, стереотипы... Кто-то говорил, что все, что человек сочиняет – уже где-то есть! А я говорю – не где-то, а вот здесь, – Эдик постучал по бутылке, – в ноосфере. Мы хотим выпить – и она льется в наши стаканы. Внимание! Тезиса всего два. Первый. Мы, будучи людьми, мыслим – и одновременно с этим возникает она. Тезис второй. Мы хотим мыслить – и она нам эти мысли предоставляет. Пояснить? Поясню. Думаем о водке – вот вам водка. Хотим ее употребить – откупориваем и, предварительно разлив по стаканам, употребляем. Ну, будем...

Эдик и в самом деле осуществил все эти операции. Оставалось только поднести стакан ко рту.

Отерев усы, Эдик-авантюрист продолжил:

– Я вижу, вы не въезжаете в аналогии. Представьте, что первый тезис не работает. Да, мы можем употребить водку. Но ее нет! Мы хотим ее, а ее все равно нет.

Сеня молча выдвинул ящик и извлек еще бутылку. Укоризненно посмотрел на Эдика, мол, заливаешь тут непонятно что.

– Ну-ну, не горячись. Хочешь сказать, что эта беда в любом магазине продается? А я тебе про свойство ноосферы! Пойми, она так устроена, что если мы думаем, или, к примеру, разговариваем, или на что-то смотрим – она возникает! Из ничего!

– Из наших мыслей? – спросил я.

– Не-ет, – рыкнул Эдик. – Вникай! Она, зараза, наши мысли использует навроде формы для себя. Когда получит форму, тогда мы ее и воспринимаем, как опять те же мысли, слова и прочую ерунду. Ощущаете?

– Одновременные открытия в науке, например? – уточнил я.

– Пускай. Но мы пойдем дальше. Что если она нам станет поставлять не только мысли или картинки разные? А возьмет, да начнет оперировать сложными структурами? Осинского подсунет, или Стерхов этих из американского фильма.

– Причем тут Осинский? – удивился я. – Он же банкир.

– Нет, он ноосферный фантом, парни. Он – сублимация общественно-значимых иллюзий! А? Как я загнул? Глубина! – Эдик откровенно любовался собой. – Так вот, американское кино – тоже общественно-значимая иллюзия. Его миллионы смотрят, сотни миллионов – от этого самый inferнальный образ превратится в сугубо вещественного монстра!

– Да что ж, твоя ноосфера материализует их, что ли?

– А то на себе не испытал? Что хочет, то и делает. Это мы воспринимаем ее порождения на материальный лад. А на самом деле – хрен ее знает...

– Как это?

– А вот хрен его знает, понимаешь? Одно мне понятно – она лишена разума. Ее разум – это мы, люди. Она лишь воплощает. Мы посылаем – она возвращает. Механизм обратной связи.

– Вот теперь понятно, – согласился я. В свое время на радиофизическом факультете я наелся этих обратных связей по уши.

– Нет, ты короче, ты давай, это... – очнулся из умственной летаргии Сеня. – Нам что от этого будет? Осинский как, жив или его уже нет?

– Он никогда и не был жив. А Стерхи его вовсе развеяли...

– Так значит, никаких кредитных карточек?

– С чего ты взял?

– Я, кажется, понял, мужики, – встрял я. Части головоломки наконец-то сложились в моей голове в одно целое. – Это когда Осинский ехал, чтобы встретиться с нами, тогда и распорядился насчет всего – карточек, компьютера, «Юго-Востока». Это точно. Там же он и досье на нас смотрел.

– Складно выходит, – согласился Эдик. – Дал команду, а ее, конечно, выполняют. Короче, вы вопросы задавайте.

– Такой у меня вопрос, Эдуард, – спросил я, – почему только сейчас, я уже не спрашиваю, почему для нас, ноосфера стала материализовывать?

– Я думаю, произошел переход количества в качество. Я же говорил, миллионы смотрят одни и те же гребаные фильмы, те же самые новости по тем же вонючим телеканалам. Газеты читают. Массовая культура творит чудовищной силы мыслеобразы. Я тебе скажу больше, Викулыч. Этим мы ее достали. Ей, может быть, и деваться некуда. Пока снега не навалит по уши – лавина не сойдет.

– Да понимаешь, – продолжил я, – как-то оно все осмыслено у нее выходит. Словно бы она какую-то цель преследует.

– Это нам так кажется. Ноосфера – круглая дура. Идея цели у нее тоже от людей. А целей у нас, у людей – ого-го! И в политике, и в фантастике. Мы же инопланетян придумали, мы их и целями снабдили. Вот теперь они нам на головы и серут. Не инопланетяне, а их фантомы.

– Так что нам теперь – не творить? Я имею в виду – нам, фантастам? И вообще, не думать, что ли? Убить мысль?

– Экий ты, Викулыч, простой. Да где там мысль? Ты «Матрицу» видел? А, ты же американское кино не смотришь. Нет там никакой мысли. Пойми, важна как раз не мысль, а то, что сто миллионов сидит и смотрит. А писать? Пиши, Викулыч, пиши. Тиражи твои – мизерные, общественная значимость равна нулю, так что пиши. И думай, все-таки, что пишешь.

Рассказ о наших странных приключениях подошел к концу. Осталось написать несколько абзацев и делу конец. Но вот на какой мысли я себя поймал. Поймал и невесело улыбнулся. Что бы это ни было, – инопланетяне, выходки ноосферы или что-то сверхъестественное – но, записав нашу историю, я тем самым выполняю просьбу Дефективных довести до сведения землян их ультиматум. Включу историю в роман – и нате вам пятьдесят тысяч ультиматумов...

Да, такие дела. И вот еще что меня беспокоит. Все-таки там, в янтаринной комнате такая чудная перспектива нарисовалась – Содружество Кольца цивилизаций. И казалось мне тогда –

только протяни руку, и все случится. Все и для всех. Почему же это так скоро рассеялось? Обидно.

«Сеня в Зазеркалье»

Три года прошло. И уже с трудом верится, что странные события, в которых мне довелось участвовать, действительно были. Смотришь на звездное небо, мечтаешь и спрашиваешь неизвестно кого – где они, Арктурианские Стерхи, где могучая, загадочная, но дружественная цивилизация Дефективных? Да полноте, не примерещилось ли нам все тогда? И действительно ли нас одолевают ноосферные фантомы?

Как бы то ни было, а роман мой «Вторжение: атака из ноосферы» очень даже ничего пошел, даже переиздали недавно. Спасибо Эдику за протекцию, а то до сих пор бы в «Юго-Востоке» мурыжили – тут, мол, сюжетная линия провисает, а тут слишком описательно, а здесь у вас одни диалоги на пять страниц. И это в то время, как вовсю издаются-переиздаются татарчуковские опусы навроде пресловутых «Ментов из шарового скопления», где, убей меня, ни сюжета не обнаружишь, ни точных описаний, а на одну реплику персонажа приходится десять тонн мордобоя.

Вот об этих самых «ментах» и о Сене Татарчуке пойдет речь. В интересную историю вляпался наш лауреат. Сперва хотелось мне на эту тему по горячим следам рассказец сделать – с вымышленными именами, сугубо фантастический. Но когда понял, насколько дело серьезно, решил с рассказом повременить, – рассказ сделать всегда успеется, – а составить эти записки.

Есть в этом деле некая деликатность. Впрочем, все, что связано с Машиной, для нашего брата-писателя – деликатная материя. Дело в том, что в свое время в институте на Банной появилась чудная Машина. В той самой лаборатории, где до этого размещалось устройство Михаила Афанасьевича – для лингвистического анализа и определения вероятного числа читателей. Эдик эту процедуру окрестил «русской рулеткой». В смысле, принес ты свою рукопись, ночами выстраданную, и не знаешь, кем после сдачи этого анализа выйдешь – гением, или полным ничтожеством.

Но с приходом рынка лабораторию взяли на заметку господи издателя. Еще бы им не взять – приходит какой-нибудь Сортир Сортирыч, сует в аппарат свою нетленку, аппарат выдает – тридцать тысяч. О! Оно. Моментально в тираж. Потому как сперва пробовали издавать тех, кто на миллионы тянул, а не тут-то было. Не покупают. Консультировались у ученых, и открылись вещи совершенно для коммерсантов непостижимые – миллионы эти учитывают спрос в грядущих поколениях, даже главным образом в грядущих. А вот если каждый опус Сортир Сортирыча тянет на все те же двадцать-тридцать тысяч, вот тут мы тебя, любезный Сортир Сортирыч и любим, и уважаем, и все условия тебе для творчества беремся организовать. Расчет-то простой: умножь эти тысячи на двадцать книг серии – и считай прибыли.

Впрочем, ближе к делу. Поломали эту лавочку в Союзе писателей, когда стали толпами издаваться скоропишущие не-члены. А издавшись, принялись ломиться в Союз. Тут генералы от изящной словесности и забили тревогу насчет чистоты рядов.

Михаил Афанасьевич, заведующий лабораторией, пошел навстречу руководству. Установку демонтировали, а взамен Михаил Афанасьевич поставил эту самую Машину. Машина называлась «Стимулятор творческих способностей». Исписался, к примеру, тот же Сортир Сортирыч – и прямехонько на Машину. Попарился в ней пару часиков и снова за перо.

Я, между прочим, слава богу, в стимуляции не нуждаюсь. Но со слов коллег знаю, как все там происходит. Представьте себе двухметровой высоты цилиндр, крашенный белой эмалью, с массивной гермодверью. Внутри – ничего, кроме мягкого сидения. Писателю выдается приборчик – маленькая коробочка с двух кнопок: кнопка «старт» дробь «переход» и кнопка «возврат». Да еще на приборчике лампочка – если мигает, значит работает. На первый взгляд

проще пареной репы: зашел, захлопнул дверь, сел, нажал кнопку «старт» – и сиди, стимулируй свои творческие способности.

И вот еще что – Михаил Афанасьевич-то, как Машину установили, куда-то исчез. Оставил подробную инструкцию по эксплуатации Машины, а сам – чао, господа.

Так вот о Сене речь. Сколько ни уверяй меня, что, мол, надо воображение слегка взбодражить, в Машине побывать – не поверю. Если ты, Сеня, решил в Машину залезть, значит, исписался ты вчистую, мил друг. И то верно – не все ж «Инопланетянами в законе» пробавляться.

Всему, бляха муха, есть предел! Даже два удачных соавторства с молодыми перспективными авторами не смогли вернуть былой славы некогда бойкому татарчуковскому перу. Скорее пошли на пользу вертким молодым соавторам, которые, презрев Сеню, начали быстро идти в гору. Впрочем, это я уже отвлекся.

Итак, перехожу к реконструкции событий. Почему реконструкции? Потому что Сеня, рассказывая свою историю, не обошелся без украшения и выставления себя в выгодном свете. Но я-то его не первый день знаю, и знаю как облупленного.

В зимних сумерках медленно полз по раскисшему снегу «Ауди-турбо» писателя Татарчука, члена Союза писателей и лауреата Государственной премии. На душе у писателя было тоже сумеречно и мутно. Подходили оговоренные контрактом сроки сдачи очередного романа, а между тем романа не было. Был пролог и три строчки первой главы. Роман предположительно назывался «Астролайнер «Титаник» терпит бедствие». Одним словом, роман-катастрофа. А между тем, писателю Татарчуку было абсолютно до фонаря, что там и в каких количествах гибнет. Из всех даруемых благодатной темой эпизодов, в голове мертво, как бетонный надолб, сидел эпизод с кислородным голоданием в одном из отсеков «Титаника». Дальше кислородного голодания дело не двигалось.

В общем, Сеня ехал на Банную сдаваться. Тускло-багровые отсветы заходящего зимнего солнца на стеклах витрин, на кузовах машин, рекламных щитах; еще пока неяркий неон вывесок, ртуть фонарей, и невеселые, бесцветные мысли. Тоскливое ощущение городского муравья, затерявшегося в монотонных вереницах машин и людей, вереницах неторопливо плывущих навстречу зданий, сменивших дневной облик строгой геометрии на невыразительный сумеречный наряд. Колеса машин разбрасывали грязную снежную жижу, размазывая ее по мостовой склизким студнем. Гриппозная декабрьская Москва процеживалась сквозь лобовое стекло автомобиля, и казалось, даже в жарко натопленном салоне царит ознобная стылость.

Былого многолюдия в учреждении на Банной не наблюдалось. На крыльце лежал толстым слоем снег, и в нем протоптана была узкая тропка. На проходной, у телевизора скучала вахтерша, на вошедшего Сеню она даже не посмотрела. По телевизору выступал оптимистичный мэр, по своему обычаю сыплющий замороженными остротами.

В этом учреждении Сеня бывал давно, еще до перестройки, в пору своего лауреатства. Носил свои тексты на лингвистический анализ и, сидя под дверью лаборатории, глубокомысленно обсуждал с коллегами такие темные материи, как «энтропия художественного текста» и «вероятное число читателей произведения». Посмеивался в душе над благоглупостями коллег от реалистического направления, не знакомых с последними достижениями науки: путающих «ядерную зиму» с глобальным похолоданием, а биты информации с печатными знаками текста.

Сеня положился на зрительную память – уверенно поднимался лестницами, шел пустыми коридорами, сворачивал в нужных местах. Освещение было самое дичайшее: кто-то умный додумался установить вперемежку трубки дневного света зеленого и розового цветов, отчего коридоры заполнял неживой металлический блеск.

От неуютности Сеня решил закурить. Встал на лестничном пролете у окна, раскурил свою белую пижонскую трубку и глубокомысленно уставился в темное, засвеченное городским искусственным светом небо. Будь я художником, изобразил бы такое небо на обложке очеред-

ного сениного опуса, вместо неизменных полуголых девиц и парней в рыцарских доспехах и с лазерными пушками.

Ничего особенного Сеня в небе не увидел и перевел взгляд вниз – посмотреть, на месте ли машина. Машина была на месте, и это ввело сенины мысли в обычное деловое русло.

Над дверью лаборатории светилась зелеными буквами надпись «Свободно». Сеня вынул для солидности из кармана мобильник и вошел.

В «предбаннике» сидели двое и играли в нарды.

– У вас, я смотрю, очереди не наблюдается, – изобразив кураж, поздоровался Сеня.

– И вам того же, – отозвался один из игроков, мужчина в массивных роговых очках, лиловом вельветовом костюме и галстук из черного бархата. На галстук красовалась золотая заколка с крупным, по меньшей мере в два карата, бриллиантом.

Второй тоже был примечательно экипирован: в джинсовой тройке, из жилетного кармана свисала золотая цепочка от часов, седые волосы стянуты сзади в косицу, перехваченную обычной черной резинкой. Он как раз собирался делать ход и тряс в руке кубики; на пальце красовался перстень-печатка, тоже золотой, с темно-платиновым треугольником, в каждой вершине которого поблескивал радужной звездочкой маленький бриллиантик. Он метнул кости, небрежно двинул фишки и безразличным голосом сказал:

– Очереди у нас с утра. Ваш брат писатель в темное время боится лезть в Машину. Удостоверение при вас?

– Какое удостоверение? – опешил Сеня. Варясь в своем кругу, он привык, что все его и так знают в лицо.

– Известно какое, – произнес первый, бросая в свой черед кости.

До Сени дошло, и он вынул корочку члена Союза.

– Пожалуйста.

Седоволосый принял, бегло глянул:

– Угу. В первый раз. Держи, Матвей, – и перебросил первому.

Тот тоже глянул, положил на стол и спросил:

– Ну что, будешь звонить?

Седоволосый вынул тоненький мобильник, куда-то позвонил:

– Это я, Модест. Насчет допуска Татарчуку. Жду.

Он отложил трубку, взял кости и сделал ход.

– Как пользоваться Машинкой, конечно, не знаете? – спросил Матвей.

– Так, слышал, – Сеня уселся в кресло.

– Почитайте, – Матвей протянул Сене какие-то листочки.

Надо сказать, что как появилась Машина, так и стали ходить среди писателей слухи о ее небезопасности. А все потому, что в оставленной Михаилом Афанасьевичем инструкции имелся странный пункт о том, что из Машины можно и не вернуться. Вообще, народ полагал, что имеет дело с виртуальным тренажером, генератором виртуальной реальности. С другой стороны, Эдик, в программировании дока, утверждал, что без определенной стимуляции психики здесь не обходится, иначе вся эта виртуалка тебя не проймает. Впрочем, Эдик тоже судил по рассказам других, сам он в стимуляции творческих способностей ну никак не нуждался, идеи сыпались, как горох. Да и членом Союза он не был.

Но вроде бы до сих пор никто никуда не исчезал. Хотя имелась легенда о том, что некий безвестный молодой автор, вовсе не член Союза, по чьей-то высокой протекции проник на Машину. И вроде бы в ней исчез. Проверить – не проверишь, в списках молодой автор не фигурировал. Одним словом, хоть и страшно, а куда денешься – шли писатели на Машину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.